

Ольга Барбанель

Хранители. Поиск Пути

Был обычный школьный день, ничем не примечательный дождливый понедельник. В просторный холл вбегали дети и подростки, закрывая на ходу мокрые зонтики, снимая разноцветные дождевики. Старшеклассницы толпились перед зеркалом, прихорашиваясь, поправляли пострадавшие от сырости прически. Вот группа мальчишек ввалилась в двери, и стала шумно обрызгивать визжащих девчонок дождевой водой с курток, а гардеробщица тетя Валя громко ругалась и грозила кулаком. На уроке Ольга Львовна долго расписывала физические формулы на доске и что-то объясняла. Реальность протекала сквозь меня, как вода через решето. Может это потому, что я не спал нормально уже несколько ночей. Мучительные кошмары стерли грань между явью и сном, я не спал, но никак не мог проснуться. Окно, возле которого я сидел, было испещрено дождевыми потоками, они стекали по нему как слезы...

— Тимур?

Я отвернулся от серого окна, и постарался изобразить улыбку. Аля выглядела бледной и встревоженной. Огромные серые глаза смотрели на

меня с беспокойным вопросом.

— Я не выспался. — тихо ответил я, нежно проведя рукой по бледной щечке.

Мы с Цветочком вместе уже полтора года, с девятого класса. Аля хрупкая, небольшого роста блондинка с мечтательными серыми глазами и немного отстраненным выражением лица. За нежную романтическую внешность и впечатлительность ее прозвали Цветочком. Кличка так к ней пристала, что даже родители и учителя иногда оговаривались. Мы с Алей составляли разительный контраст, не только из-за внешности, но и из-за характера. Мой предполагаемый папаша был цыганом, так что я вышел смуглым, черноволосым, и никто бы не назвал меня нежным и мечтательным, скорее сложным, неуправляемым, агрессивным, замкнутым, психологически нестабильным, опасным. Именно это я прочел в своем личном деле, когда из интереса влез в учительскую. Но я не в обиде, до девятого класса я доставлял много неприятностей нашему небольшому городку. Пока в моей жизни не появился Цветочек...

— Тимур, ты не хочешь выйти к доске и продемонстрировать свои знания? — голос Ольги Львовны оторвал меня от размышлений.

— Нет, спасибо, не сегодня — вежливо отказался я. По классу побежали смешки. Ольга

Львовна пару секунд смотрела на меня, раздумывая раздуть ли скандал, но потом решила не тратить на меня нервы — все уже привыкли к моим выходкам. Это было смешно, но меня побаивались. Возможно из-за роста, подумал я, посмеиваясь про себя и пытаясь пристроить куда-то ноги. Мне бы хотелось отловить конструкторов наших парт, и привязать их к своему изделию на пару дней. Метр восемьдесят пять тяжело уместить в таком крошечном пространстве.

Время тянулось медленно. Вот второй урок, третий, большая перемена. Во дворе ко мне подошли приятели, и мы немного поговорили о том, о сем, но основная тема уже пару недель была одна — где Артем? Он исчез ровно пятнадцать дней назад, и версий было множество. Кто-то считал, что он убежал в «Большой Город», кто-то, что ушел в лес и не вернулся. Лес... Думаю, среди подростков нашего городка не было такого, кто не знал таинственного притяжения леса. Притяжения, которое становилось все сильнее с каждым годом.

— Эй, Тимур, пойдем сегодня вечером на огонек?

Среди сиротских мальчишек «огонек» был любимым времяпрепровождением по вечерам. Зажечь костер в жестяной бочке, распевать песни и распивать пиво, просто молчать... Иногда эти посиделки заканчивались не совсем мирно и

страдала городская собственность. К примеру, когда Алешка на спор разукрасил стену городского совета граффити, красивым, между прочим, но наш мэр почему-то не проникся. Или когда мы случайно разбили витрину ювелира. Периодически руководство детдома и милиция пытались пресечь эти встречи, но пока безуспешно.

— Не знаю — сказал я.

— Что, не можешь себя от юбки отвязать? — съехидничал Марк.

— Да пошел ты — беззлобно ответил я, пожав плечами.

Марк загоготал и пошел доставать кого-то другого.

Мои детдомовские парни до сих пор были обижены, я отдалился от них в последнее время. Раньше нас называли «опасной бандой», а я был признанным лидером. Нас боялись. Но дни моего бунта остались позади — мне больше не хотелось ненавидеть мир. Цветочек примирила меня с ним.

Четвертый урок — история. От нее меня всегда клонило в сон. Мое окно рядом, я сморю на серо-зеленый пейзаж и соскальзываю в воспоминания...

Вообще у детдомов обычно своя закрытая территория откуда дети выходить не должны. Но только, кто же нас удержит, когда через забор так

легко перелезть? Старый и пьяный сторож? У нас с ним давний договор — мы ему бутылку с закуской, а он нам полную свободу. Мэр одно время рыпался, пытался порядки наводить, но потом махнул рукой. По-моему боялся нас. Город у нас маленький, учителей и работников катастрофически не хватает и мэрия приняла решение чтобы мы ходили в обычную школу и приспособивались к социуму. По большому счету у нас и детдома не должно быть — но вот остался пережиток с советских времен. Когда то наш город возник благодаря крупному сталелитейному производству. Заводы работали, город рос и развивался. Для детей пострадавших или погибших на сталелитейном работников, был организован интернат. Затем перестройка, производство остановилось, люди стали разъезжаться в поисках другой работы. Городок мельчал, вешал, покрывался толстым слоем безысходности и ненужности. Уже много лет мэр пытался добиться перевода оставшихся в интернате детей в районный детдом, по причине невозможности содержать их на городском бюджете и острой нехватки кадров, но бюрократическая машина застопорилась. Так что все 32 сироты пользовались невиданной свободой, и благодаря этому мы с Алей встретились в девятом классе. Хотя, нет. Встречались мы раньше — ведь на весь город школа всего одна. Но в одном классе

оказались только тогда. Я не особенно обращал внимание на маленькую девочку с длинными волнистыми волосами. Помню, подумал только, что она похожа на ангелочка с картинки, ну из тех, что на рождественских открытках. Только крыльев не хватает. Нас посадили вместе. Но я тогда в школе нечасто бывал. Как то вечером мне не повезло, мы решили поугорать одного хмыря, но он позвал друзей, завязалась драка, ну и пошло поехало. Милиция приехала как-то необычно быстро, а я увлекся и дать деру не успел. Как назло, дежурившие в ту ночь менты меня сильно не любили, по личным причинам. Церемониться со мной не стали. Я как раз пытался научиться дышать заново после их уговоров залезть в машину, когда вдруг появилась Цветочек. Никогда не думал, что этот Божий одуванчик на такое способен. Она отчитывала этих двух сотрудников правоохранительных органов, как малых детей, а когда они решили не обращать на нее внимания, встала между ними и мной. Так как ее папа был помощником мэра, менты решили не связываться, и свалили несолоно хлебавши. Я скорее разозлился, чем был благодарен.

— Что, своих проблем нет, что полезла мои решать? Я помогать не просил — буркнул я угрожающе нависая над ней. Обычно это действовало безотказно, и я ожидал, что моя

спасительница даст деру. Но она и глазом не моргнула.

— Они вели себя непрофессионально — заявила Цветочек, глядя на меня невинными серыми глазищами. — Тебя исключить из школы хотят. Хочешь помогу нагнать программу?

Я презрительно фыркнул и ушел. Но через пару дней Цветочек пришла прямо ко мне в детдом. На вопрос «нахрена ты приперлась?» Аля невозмутимо сказала, что мы собирались заниматься вместе.

— Это когда ж такое было? — возмутился я.

— Помнишь, я тебе предложила, а ты промолчал и ушел. Молчание знак согласия!

Я попробовал смутить ее отборным матом, но эффект был не тот, которого я ожидал.

— Как интересно — сказала Цветочек, задумчиво глядя на меня. — Я раньше таких слов даже и не слыхала. Расскажешь, что какое слово означает?

— Нет!!!

— Почему?

— Девчонкам нельзя так выражаться — решительно сказал я, на что Аля вдруг рассмеялась.

— Чего ты ржешь? — мрачно поинтересовался я.

— А ты оказывается, ханжа! — сказала она, вытирая слезы, а я подумал, что нужно будет узнать

значение этого слова.

После случившегося, Аля регулярно приходила после уроков.

Скоро мои ребята стали посмеиваться, делая недвусмысленные намеки. В такие моменты я злился, и больше всего мне хотелось избавиться от назойливой девчонки. Когда я понял, что не могу оттолкнуть ее грубостью, то попробовал напугать. Позвал вечером в парк, прижал к какой-то стенке. Она не испугалась и не сопротивлялась, а ответила на мои поцелуи с неожиданным жаром. Впервые в своей жизни я столкнулся с такой нежностью. Когда я впился губами в тоненькую шейку, она прошептала мне ухо:

— Ты мне так нравишься! Жаль, что я тебе не могу понравиться. Я слишком правильная для тебя, да?

Через минуту я понял, что глажу шелковистые волны ее волос и уверяю, что она мне очень, очень нравится.

Аля изменила мою жизнь. Она стала для меня семьей, которой у меня не никогда не было, моим дыханием. Ради нее я начал учиться, ради нее перестал ввязываться в сомнительные приключения, потому что знал, как ей больно видеть меня в милиции. Я поставил себе цель добиться разрешения ее родителей на наши отношения, и добился этого. Следующей моей

целью было достигнуть в жизни такого положения, чтобы я мог дать Але все, чего она заслуживала, и в первую очередь увезти ее из нашего захолустья. Я смог выкарабкаться из ямы, в которую сам себя загнал. Меня за это недолюбливали — ну что ж! Свято место пусто не бывает, вместо меня командовал теперь другой. Главное, что тронуть меня, а тем более Цветочек никто из моих не смел, я не лидер, но меня все равно боялись. Да и пару верных друзей осталось.

Пронзительно зазвенел звонок, выдергивая меня из тумана прошлого. У Цветочка после уроков были танцы, а я обычно болтался по окрестностям и ждал ее, чтобы вместе пообедать. Школьный двор опустел быстро — погода сегодня не располагала к прогулкам, и я с трудом нашел более-менее сухое место.

Друзья у меня были, но и враги тоже имелись, и самого заклятого звали Самир. Если вы себе представили смуглого и лохматого джигита, то ошиблись. Самир, словно в насмешку над своим именем был светловолосым, зеленоглазым, и напоминал красавчика из аниме. По совместительству он был моей занозой в заднице.

— Эй, меченый! А где же твой телохранитель?

— Эй, блондинчик! Хочешь и себе меточку заполнить? Так только намеки!

Самир называл меня меченым за шрам, который пересекал бровь, глаз и заканчивался на середине щеки. Шрам тонкий, почти не заметный. Мне говорили, что еще совсем ребенком я упал на стекло, и только чудом не лишился глаза. Но с легкой руки Самира за мной прочно обосновалась эта кличка. Может Самир был таким сукиным сыном из-за трагедии в семье. Рассказывали, его мать еще совсем молодой девушкой вышла замуж за грузина. Потом у них родился ребенок, Самир. Но когда мальчик стал подрастать оказалось, что на грузинского папу он совсем не похож. Грузины народ горячий, ревнивый, и папаша вспылал. Никто точно не знает, что там на самом деле произошло, только родителей Самира нашли мертвыми. У матери был проломлен череп, а папа удавился. Одна из версий — ревнивец ударил жену, она неудачно упала и ударилась головой об острый угол журнального столика. Невольный убийца с горя покончил с собой. Почти Шекспировская трагедия. Не знаю, так или нет, но Самир не попал в детдом — у него были бабушка и дедушка, которые души не чаяли во внуке. И внук из не разочаровал — отличник, спортсмен, и главный заводила в школе. Для меня у Самира всегда было припасено парочку приятных теплых слов, например «шваль» или «шпана». Именно его я хотел отдубасить, когда за меня заступилась Аля. Как же я не любил этого

придурка! Но завязывать драку на школьном дворе не собирался — как бы не повернулось дело, крайним все равно сделают меня, у Самира достаточно прихвостней и как ни странно, обожателей в преподавательском составе. Он знал о моем старании вести себя нормально, как минимум в пределах школы, и пользовался этим. Самир был настоящей, отборной гнидой.

— Ну ты даешь, сирота! А что такие курточки вам выдают вместо униформы? Стиль «бомжа»? Я тоже от такой не откажусь, может одолжишь?

Парочка верных «хвостов» послушно загоготала. Я встал во весь свой рост и подошел вплитык к наглому ублюдку. К сожалению, нависнуть над Самиром я не мог — он был только на пару сантиметров ниже.

— Не хочу связываться с тобой. Но я ведь могу и передумать — тихо сказал я ему почти на ухо, так чтобы не слышала его свита. — А если передумаю, то сломаю тебе ногу, или даже лучше две, а потом возьмусь за твоих дружков. Неудобно тебе будет заниматься своим футболом и каратэ, или что там у тебя?

Самир немного изменился в лице.

— Ты так уверен, что сможешь сделать это?

— А ты так уверен, что нет?

— Да пошел ты на.... — грязно выругался Самир и резко повернулся — Пошли ребята, нечего

тут торчать с этой швалью. Еще заразимся чем-то.

Это было отступление. Я усмехнулся и уселся обратно. Рано или поздно этот подонок выведет меня из себя.

Над головой зашумели, разбрызгивая холодные капли, тополя, окружавшие школьную площадку по периметру. Я закрыл глаза. Шелест листвы напомнил мне что-то, увлекая из настоящего в тревожащий водоворот, который засосет меня в сны более реальные, чем промозглая действительность. Я резко потрусил головой и выпрямился. Передо мной была все та же школьная площадка, совершенно пустая, как и стадион за ней. Дождь снова неторопливо запел свою песню — кап-кап-кап. Именно тревожащие, ненормальные сны мешали мне выспаться как следует. В этих снах мне часто снился лес... Я знал, что рано или поздно окажусь там, отвечу на его зов. Это было просто вопросом времени. Или испытанием воли, не знаю. Ирония в том, что никого леса у нас и не было. То есть был небольшой лесок, не больше двух-трех километров. И деревья в нем были совсем не такие, как в моих снах — обычные для наших широт березки, дубки, пару хвойных. Во сне я заходил в наш лесок и шел между деревьями, видя, как он постепенно меняется. Знакомые деревья превращаются в раскидистые великаны, названия которых мне неизвестны, воздух насыщается

незнакомыми запахами и становится сладким и пьянящим, кажется вдохну еще раз и взлечу. Я шел между деревьями. Ноги сами вели меня, отвечая неслышимому зову, словно кто-то притягивал к себе на веревочке, и я спешил, зная и не зная куда. Вот и древняя стена из крупных камней. В ее испещренном многочисленными трещинами, поросшем мхом и травой монолите есть обвалившийся участок, а может полуразрушенный вход. Я знал, что мне нужно зайти туда. И в этом месте просыпался, весь в поту. Это просто сон, и вроде совсем не страшный. Страшно другое — зов существовал на самом деле. Я ощущал его и он реален, так же реален, как моросящий дождь серым осенним днем. Раньше он был неявным, тихим. Его легко было заглушить. Но в последнее время он усилился, теперь я чувствовал его давление даже днем. Страшно, что абсолютно такие же сны мучили Артема, до того, как он исчез. Он успел рассказать это своему другу Витьке, а Витька потом поделился со мной. Страшно, что такие же сны видят некоторые другие ребята. Я не проверял и очень надеялся, что ошибаюсь, но мне казалось, что такой сон видели все подростки нашего городка. Под страхом смерти я не стал бы спрашивать об этом, потому что слишком боялся услышать ответ.

Листья кружились, медленно планируя на влажную землю, уже усеянную их павшими

собратьями. Неторопливое падение завораживало, даже гипнотизировало, словно слезы, роняемые самой природой... Я брела между акациями, вдыхая аромат сырой земли, листвы и чуть кисловатый запах стручков с семенами, которыми щедро был посыпан весь парк. Листопад всегда зачаровывал меня, унося далеко от реальности, в волшебную страну. Последний танец, ода вечному циклу умирания и воскрешения, отчаянье и надежда одновременно, осень щемила сердце и бередила душу. Между деревьями виднелась стена, значит, я в четвертый раз прошла больничный парк. На часах почти три, скоро обход, пора возвращаться. Я вздохнула и побрела в здание, мельком поглядывая на бедолаг, прогуливающих вокруг. Некоторые из них были совсем плохи, намного хуже, чем я. Были и вполне вменяемые люди, со многими я поддерживала приятельские отношения.

Мне семнадцать лет, меня зовут Сара, и я сумасшедшая. Конечно, никто не называет меня так в лицо, завуалированные формулировки «нервное расстройство», «психическая нестабильность» уже успели набить оскомину. Как по мне, так вещи лучше называть своими именами. Я прохожу лечение от делирического помрачения сознания в частной клинике, правда как меня все время утешает мой лечащий психотерапевт помрачение у меня «в очень легкой форме».

Больницы все одинаковы. Светлые коридоры, казенные кадки с растениями и омерзительный запах, запах болезни, несчастья, запах личной трагедии каждого, кто попадает в эти стены. Я не жалею — этот психоневралгический центр один из лучших в стране. Тут красиво, насколько это применительно к больнице, евроремонт, в палатах есть душ и туалет, обширная территория с парком, где я люблю гулять. Родители постарались, выбрали лучшее для любимой доченьки. «Милая, ты подлечишься, и сможешь нормально жить, завести друзей, учиться, ходить на танцы с парнями и делать все, что положено нормальным подросткам. Так лучше для тебя, вот увидишь». Как же разочаровывала моих современных родителей ненормальность и нестандартность их единственного чада! Я для них все равно что инопланетянка. Думаю, поставив мне диагноз, они каким-то парадоксальным образом успокаивали себя. Я люблю своих родителей, но они далеки от меня как Венера или Марс далеки от Земли.

Когда я стала видеть странные сны? Тяжело сказать. Я была впечатлительным ребенком с развитой фантазией, мои сны всегда отличались красочностью и необычностью. Подрастая, я предпочитала книги обществу других детей, которые и сами не очень хотели иметь со мной дело. Родители забрали меня из садика с диагнозом

детского психиатра «аутизм», опять-таки, в легкой форме (диагнозы мне ставили с детства) и отдали на воспитание няне, так что «странной» я была с детства. Моя мама работает на телевидение, но с обратной стороны камеры — отвечает за тексты в передачах новостей. Мой папа — креативный директор популярной косметической фирмы. Они в высшей степени общительные и открытые люди, обожают вечеринки и «гламурную» жизнь. Редко неделя в нашем доме проходила без очередного корпоративного сбора или просто встречи друзей. Впрочем, остальное время мои родные почти не показывались дома, что примиряло меня с ненавистными сборищами. Коллеги папы и мамы называли меня «маленькой букой» и трепали за щеки, фальшиво улыбаясь и сюсюкая. Неудивительно, что моим стремлением было забиться куда-нибудь подальше от них. Став старше я просто категорически отказалась принимать участие в родительских развлечениях. Они расстроились, но потом проконсультировались все с тем же психологом и решили, что это нормально, в смысле моего нежелания общаться с их друзьями. Но зато я могу приглашать своих в любое время! «Почему бы тебе не взять парочку девчонок из класса и не устроить девичник? Нельзя быть такой нелюдимой!», «Сходи с подругами по магазинам. Я в твоём возрасте только мечтала о

таким, а мы даем тебе столько возможностей!», «Почему ты не хочешь принять участие в школьном вечере? Милая, там же будут все твои одноклассники! Ты отлично проведешь время, вот увидишь», «Сара, ты должна научиться общаться с людьми. Мы живем в социуме, и нужно приспособливаться. Ты же не хочешь, чтобы про тебя говорили, что ты ненормальная? Не расстраивай нас, милая, постарайся, ок?» Выслушивая такое каждый день, начинаешь завидовать тибетским монахам, проводящим время в уединенных медитациях.

Так как же я попала в дурдом?

Сначала были просто сны. Потом ощущения из снов незаметно переползли в мою повседневную жизнь и грани реальности вдруг стали размытыми. Странное, настойчивое, и даже требовательное чувство преследовало меня. Но совсем плохо стало, когда картинка на моей тетради ожила прямо на уроке в школе. Там был изображен лес, очень красивый, с величавыми великанами деревьями, чьи изумрудные кроны смыкались в сплошной шатер. Я засмотрелась на него, и мне казалось, я могу вдохнуть свежий, насыщенный кислородом лесной воздух. Мне так хотелось оказаться в этом манящем лесу! И на какую то секунду мне показалось что я действительно там окажусь. А потом выяснилось, что урок давно прошел и меня

испуганно зовет по имени учительница, медсестра и мои одноклассники сгрудились рядом, посмеиваясь и отпуская сомнительные шуточки. Мне показалось, что это просто случайность — ну засмотрелась и задремала, что тут такого. Но потом я увидела лес в телевизоре — была передача про дикую природу. Затем внимание привлек баннер, который был виден из окна моей спальни. Когда такое произошло в четвертый раз и меня не могли дозваться три часа родители решили, что пора принять меры. И вот вам очередной диагноз. Но с моего последнего видения прошло уже пару месяцев, может таблетки помогли, не знаю. Знаю только, что мне до смерти надоела больница, и я хочу домой.

Я хотел бы иметь свой дом. Место, где не будет жить никто кроме меня, собственный туалет, в конце концов. Детдомовское общежитие — не самое приятное место, там тяжело остаться одному, но очень легко быть одиноким. Сегодня мне опять снился лес. И пропал еще один школьник — Женя, уже четвертый за три недели. Теперь, среди пропавших числился и Самир. Я много раз желал ему отправиться в некие отдаленные места, или укусить себя во сне и умереть от отравления собственным ядом, но был уверен, что он еще долго будет портить мне кровь. Ошибся. Я знал, куда они

уходят, и каждый подросток в этом проклятом городке знал, но все молчали. Боялись, что если откроют рот, то выпустят нечто страшное и уже не смогут загнать его обратно. И жизнь продолжалась, словно ничего и не происходило.

Сегодня четверг, значит пора идти в школу. Я подобрал с пола рюкзак и, мельком глянув в зеркало, вышел из комнаты, которую делил с еще тремя парнями. Зашел за Цветочком. Аля выглядела бледной и измученной. Я думаю, ее тоже стали посещать странные сны...

Мы шли через парк по протоптанной множеством школьников тропинке к школе. Листья с шуршанием падали вокруг нас. Аля собирала особенно красивые листья в букет — желтые, красные, зеленовато-рыжие. Не люблю осень, но Аля с букетом разноцветных листьев на фоне листопада выглядела сказочно красивой. Ее звонкий смех переливался и звенел в опустевшем парке, когда она рассказывала забавный эпизод из своего любимого сериала. Пыталась поднять мне настроение. Я не вслушивался в слова, но голос действовал успокаивающе и действительно помогал успокоиться.

— Эй, Тимур! Подожди!

Витя, еще один сирота из детдома, бежал следом за нами. Опавшие листья заглушали звук его шагов.

— Мы хотели с тобой поговорить, а ты так рано ушел. Привет Аля!

— Привет Витя, — вежливо ответила Аля. Она всегда старалась быть внимательной и никого не обижать. Я же просто кивнул запыхавшемуся Вите.

— О чем?

— О... ну как это сказать... Короче, парни немного насторожены происходящим. Хотят, чтобы ты пришел вечером на огонек. Поговорить.

— Зачем вам я? У вас есть Андрюха, он все разрулит.

— Андрюха не ты.

— Вот значит как заговорили. Раньше вы так не считали.

Витя покосился на Алю.

— Ты зря это... Ты ж сам... ну, отстранился, что ли.

Я внутренне наслаждался его смущением. Могли бы найти кого-то и понаходчивее в качестве посла доброй воли.

— Наверно их беспокоят эти странные исчезновения? Но я ничем не могу помочь, и кстати, никак не вспомню, когда это я отказывался и дальше быть старшим.

— Но ты... То есть...

— Ладно, Вить, не парься. Я пока сам не разобрался что происходит. Так и передай.

Я взял Алю за руку и пошел вперед, оставляя понурившегося Витю.

— Тимур?

— Что?

— Это же из-за меня, да? Из-за меня тебя сместили?

Я фыркнул.

— Сместили! Можно подумать я был президентом!

— Ну, раньше тебе нравилось быть главным среди сиротских ребят.

— Раньше мне нравилось играть в игрушки, а потом я стал старше. Хочу чего-то добиться в жизни, а не быть главным пугалом нашего городка.

Аля повернулась ко мне и улыбнулась.

— Слова не мальчика, но мужа! Но может, стоит сходить и выяснить, чем там они обеспокоены?

— Не бери в голову. Очередная ерунда. Подвесить начальника детского отделения милиции за ноги на дерево или прибить свастику на здании горсовета.

Аля рассмеялась. Я тоже растянул губы в улыбке. Эта странная тяга к лесу вымотала меня. Нужно было выяснить, что происходит, не хотелось однажды обнаружить что следующей пропавшей стала Аля, да и невозможно же постоянно не спать. Так недолго и с ума сойти. Поэтому я решил что

сегодня вечером перестану сопротивляться и пойду по дороге, которая так манила.

Я знал что вернусь, не исчезну в лесу как остальные. У меня есть крепкий якорь — Цветочек.

Парк закончился, и мы подошли к школьной площадке. С виду все как обычно, проходя мимо нас, некоторые знакомые с параллельных классов кивали, кто-то подходил перекинуться парой слов. Вот стоят стайкой прихвостни Самира и вид у них растерянный — не знают как вести себя без лидера.

На уроках Лидия Петровна, учительница по математике вызвала меня к доске. Я решил задачу по геометрии, хоть мысли мои были далеко. Лидия Петровна вынуждена была поставить хорошую оценку — мне казалось я слышу как заскрежетали ее зубы — она не любила меня. Когда я не учился, и не приходил на занятия, она с удовольствием ставила мне двойки и пропуски. А когда я нагнал школьную программу, искала повод, как бы понизить мне бал. Я подумывал припугнуть ее, подловить после уроков. Но потом расхотелось. Какой смысл? Сейчас я знал математику намного лучшее ее. С каждым днем я понимал, что школе мне уже не место. И дело было даже не в моем росте и комплекции, далекой от стандартов семнадцатилетнего возраста. Я вырос из школы как ребенок из прошлогодней одежды. Школа стала мне мала.

— Замечтались? Вам бы стихи писать или художником быть- ехидно заметила Лидия Петровна, злобно буравя меня крошечными глазками. — Но мы на математике, а это точная наука.

— Если стану художником обязательно напишу ваш портрет. Обнаженный.

По классу пронеслись сдавленные смешки, а Лидия Петровна побагровела.

— Хочешь чтобы я написала докладную директору? Что за пошлые шуточки!

— Напишите обязательно. Я объясню ему, что нет ничего пошлого в искусстве, например Рембранта никто не называет пошлым.

Я спокойно сел на место, не дожидаясь разрешения, кое как уместив ноги под партой. Я никогда не выполнял школьные правила, вроде вставать и садится по разрешению. Это бесило учителей, но с какой стати я должен ждать разрешения сесть от людей, которые мне даже не нравились? Лидия Петровна предпочла не продолжать дискуссию. Мне нравилось шокировать учителей своей эрудицией. От меня, как от трудного подростка этого никто не ждал.

— Тимур, ну зачем ты ее злишь? — укоризненно прошептала Аля — Она поставит тебе плохую оценку в аттестат.

— Пусть рискнет — я усмехнулся — Я

заставлю ее его съесть. Но пожалуй ты права, стоит ее предупредить об этом. Все должно быть по честному.

Цветочек укоризненно покачала головой.

Сегодня был погожий день. После уроков я проводил Цветочек домой, мы поговорили немного, сделали уроки. Первый раз, когда Аля привела меня домой, меня встретили не очень тепло... Я слышал, как ее папа на кухне ругал Алю.

— Зачем ты притащила его сюда? А если он украдет что-то? Ты вообще в курсе, что он на учете в милиции стоит? Я запретил тебе с ним общаться!

— Не хочешь, чтобы я его приводила — не буду. Но учти, что и сама я тоже тогда не стану приходить домой.

— Посмотри на него — умоляюще вторила Алина мама, милая женщина на которую Аля была очень похожа. — От этих жутких черных глаз у меня мурашки по коже! И как ты не боишься, он же малолетний преступник? Вдруг ударит тебя или еще хуже...

Сегодня Алина мама с улыбкой предложила мне пообедать. Наверно она привыкла к моим глазам за эти полтора года. А вот папа Цветочка так и не подобрел, я все так же ему не нравился. Не могу его винить за это.

Когда стемнело, я попрощался с Алей, и пошел в сторону детдомовского общежития.

Закинул под кровать тетради, переоделся, прилег поверх покрывала. Знал, что не усну, но ждал какого-то особенного момента. И он наступил, я это почувствовал. Темнота в комнате как будто загустела, а потом все поплыло. Я закрыл глаза на минуту, а когда открыл, понял что нужно идти. Ощущения были как во сне, когда ты знаешь что спишь.

Дорога до леса заняла около сорока минут быстрым шагом, но я не чувствовал бега времени. Странное состояние между сном и явью, когда минута может растянуться на час, и вся ночь пробежать за минуту. Знакомые деревья вытянулись, их стволы стали намного шире а листва зашелестела высоко над головой. Лунный свет ложился пятнами и полосами, просачиваясь через густые кроны. Я ждал ее появления и вот она показалась, старая полуразрушенная стена, местами поросшая мхом. Она изгибалась, образуя широкий круг. Я прошел через разрушенный участок. Когда во сне доходило до этого момента, я просыпался весь в поту, но сейчас не чувствовал ни волнения, ни страха, ничего. За стеной были руины какого-то города. Я знал, что мне нужно пройти в его центр. На развалинах древнего капища, прямо перед строением, напоминающем пирамиду древних майя, кто-то сидел. Сгорбленная фигура под темным балдахоном, капюшон на голове. Когда

я подошел, существо подняло голову. Лицо его было таким же древним, как и разрушенный город, а в нечеловеческих глазах отражался свет луны.

— Наконец ты пришел. Я ждал тебя долго — я не мог понять звучит ли голос в моей голове или существо правда говорит. В темноте не было видно движения губ или того, что служило их аналогом.

— Ты пришел слишком поздно. Вред уже нанесен. Теперь все в ваших руках.

— О чем ты говоришь? Кто ты? — спросил я и понял, что мои губы также неподвижны.

— Не есть важно кто я. Важно кто ты. Мы совершили ошибку, огромную ошибку. Вы должны исправить, вас выбрали.

— Я не понимаю.

— Ты поймешь. Позже. Я ждал так долго! Последний. Я последний и сил очень мало. Ты — сильный. Путь вам открыт. Но дорогу ищут и другие. Берегитесь их.

— Объясни мне нормально. Я не понимаю тебя. Что я должен сделать?

— Ты должен спасти. Спасти лиарнов. Спасти равновесие. Спасти мир.

Изрекши эту последнюю непонятную фразу он (или оно) исчез. Просто и без всяких спецэффектов. Вот сидело передо мной и вот уже нет.

— Эй, подожди! Куда? Где ты? Я ничего не

понял!

Но кругом был только лунный свет, да какие-то странные частички, вроде пыли, которые кружились и переливались в этом свете. Мне не ответило даже эхо. Я повернулся спиной к странному месту и пошел обратно. Не помню дороги, но я очнулся уже под утро в своей кровати в общежитие. Подумал, что мое ночное путешествие — это просто сон, но нашел грязную обувь и вещи, сложенные на стуле возле кровати. Я вернулся, не исчез, как остальные, но понимал — после этой ночи все изменится. Было ли странное существо и полуразрушенный город миражем, фантомом, вызванным недосыпанием? Нет. Все это реально. Что мне делать? О чем толковало странное существо?

Я умылся, собрал книги и пошел за Алей. Она встречала меня у подъезда — свежая, вся сияющая в лучах золотого осеннего солнца.

— Чего такой мрачный Тимур? — Цветочек стала на цыпочки, чтобы дотянуться до моих губ и я привычно поднял ее. Мне нравился такой маленький рост — в этом была часть ее очарования.

— Странные сны снятся последнее время...

— И тебе тоже? — Аля помрачнела.

— Что значит тоже? Тебе снится лес?

— Да, бывает. А ты откуда знаешь? Подожди. И тебе тоже он снится?

— Бывает. — повторил я, но не улыбнулся.

Аля задумалась.

— Я вижу в нем удивительных животных, даже не знаю как их назвать. Пересмотрела весь справочник по зоологии и не нашла таких. Они очень красивые. Ты их тоже видел?

Я улыбнулся с облегчением. Животные — нет, это совсем не тот кошмар. Ну и Слава Богу!

— Нет, мне не снятся звери. Ты сегодня такая сияющая! Мне все будут завидовать.

— Да брось ты! Это уж скорее мне будут. Ну что, пойдём?

— Пойдем.

День потянулся — первый урок математика, второй английский. Третий — биология. Тогда это и произошло. Учительница вышла на секунду за водой. Мы остались в классе одни, и конечно сразу поднялся шум. А потом — все это ощутили — странный толчок воздуха, но совершенно беззвучный. Все одновременно замолчали, стали переглядываться.

— Что это было — шепотом спросила Аля, глядя огромными перепуганными глазами.

Я не успел ответить, потому что дверь открылась. В класс вошли, но не наша безобидная и славная Ольга Львовна, а несколько неизвестных мужчин. Один из них, одетый в длинный темный плащ, обвел притихший класс таким тяжелым

взглядом, что мне стало не по себе.

— Мы из ФСБ. Сохраняйте спокойствие и все будет в порядке. Мы здесь, чтобы расследовать исчезновение подростков.

— А где Ольга Львовна? — робко спросила Вика, эффектная брюнетка за первой партой. Мужчина пригвоздил ее своим тяжелым взглядом.

— Она в безопасном месте. А вы пока посидите здесь.

И мы посидели. Прошел час, два. Потом пришли какие-то люди и задавали вопросы про пропавших. После зачем-то решили взять у всех анализ крови. Мне пришлось держать Цветочек за руку — она очень боится иголок. У Маши с третьей парты случилась истерика и ее куда-то увели. Нас вызывали по одному и группами и задавали бесконечные вопросы, некоторые очень странные. Например.

— Не происходило ли чего-то необычного в жизни пропавших? Не замечали ли вы странных, выходящих за рамки вещей?

Это все было очень погано. Но совсем хреново стало, когда в кабинете директора, куда нас водили по одному прозвучал вопрос:

— Вам снятся странные сны?

Вот тогда я и понял, что дела наши плохи.

— Всем снятся сны — я решил прикинуться дурачком. — А к чему такие странные вопросы?

Мне не ответили и завели обратно в класс. За окном вечерело. Ребята были перепуганы и хотели есть. Я пытался решить для себя как поступать дальше, но пока лучшее что приходило в голову — это ждать и смотреть как будут развиваться события. Если запахнет жареным я постараюсь сбежать и прихвачу Цветочек. Было странным, что не появлялся никто из учителей. Не приходили взволнованные родители в поисках своих чад.

— С меня довольно — вдруг произнес Кирилл, крепко сбитый и черноволосый пацан с переломанным носом- Я попробую выбраться отсюда. Кто со мной?

Несколько мальчишек из класса поднялись со своих мест.

— И куда вы пойдете — поинтересовался я, просто чтоб быть в курсе.

— Спрячемся в лесу, а завтра постараемся добраться до ближайшего города.

— Вы можете попробовать и сегодня.

— Ночью легко заблудится.

— Вам очень хочется попасть в лес, да?

— Да какие проблемы, Тимур? Я что-то не пойму! — возмутился Кирилл.

— Никаких. Будьте осторожны в лесу.

Кирилл передернул плечами, типа не морочь-ка ты мне голову и открыл окно. Кабинет биологии был на втором этаже — падать не высоко.

Я смотрел как спины мальчишек одна за другой исчезали а оконном проеме. То, что происходило сейчас в нашей школе, было страшно, но почему то я был уверен — лес еще страшнее. Уйдем туда сейчас, и назад дороги уже не будет. Не знаю откуда я это знал, просто знал и все.

Кабинет Юрия Анатольевича, моего лечащего врача был просторным и светлым. Об стекла новых металлопластиковых окон билась невесть откуда взявшаяся муха. Одна из последних в этом году...

— Визит твоих родителей запланирован на завтра. Они захотят узнать, какой у нас прогресс. У нас есть прогресс, Сара?

Часы на стене тикали, муха жужжала. Больше тишину кабинета не нарушало ничего. Через окно я видела, как машины подъезжают к зданию больницы, вот кого-то выгрузили, он кричит и сопротивляется... Но окна не пропускали ни звука. Как немое кино.

— Сара?

— Это вы мне скажите, вам виднее.

— Сара, я хочу услышать твое мнение.

— Да, Юрий Анатольевич. Конечно. Мне намного лучше.

— Ты не откровенна со мной. Почему ты не говоришь правды? Я хочу помочь.

— Но я все сказала.

— И больше нет ни тревожащих снов, ни галлюцинаций?

— Нет, все отлично.

Юрий Андреевич покачал головой. Его немолодое уже лицо огорченно вытянулось, глаза запали еще глубже. Он был хорошим человеком и кажется на самом деле переживал за меня.

— Ну хорошо. Иди.

Да, Юрий Андреевич отличный врач, специалист. Он умеет вызвать откровенность, у него миллион уловок, как разговорить человека, даже самого угрюмого. Только в его кабинете, как в суде, все что скажешь будет использовано против тебя. «Ах, тебе опять снятся ненормальные сны? Сменим-ка мы тебе лекарство и подержим еще месяц другой...» Я не хочу ходить одурманенной, как зомби, я хочу выбраться отсюда. Как могли родители упрятать меня сюда! Ведь я же не больная на голову! Они думают, если меня поколют какой-то гадостью и промоют мозги я стану такой дочкой, которую они всегда мечтали иметь. Пустоголовой и недалекой дурочкой, любящей шмотки и весь день треплющейся по телефону.

В палате мимо которой я проходила, что-то с треском врезалось в дверь и раздались истошные вопли. «Я еще здесь! Еще здесь! Вы говорите меня нет! Вы меня не видите, но я тут! Заметьте меня, заметьте...» Женские крики превратились в

сдавленный шепот. Опять бедной Тамаре плохо. Она здесь уже год, ее младший брат с женой оплачивают лечение, только ей ничего не помогает.

Как красиво падает солнечный свет в окна длинного коридора! Как будто световые туннели, ведущие в другой мир, иную реальность, где нет психов в соседней палате, медсестер с их шприцами и дежурно-успокоительными выражениями лиц.

Мне до смерти надоела эта психушка и чтобы выйти отсюда я готова всю жизнь прикидываться нормальной. Ничего... Я смогу сделать вид, что у меня все отлично. Расскажу Юрию Андреевичу, как мне не хватает общения, как я хочу поступить в универ...

Я выберусь отсюда.

* * *

Кирилл и те, что ушли с ним не вернулись. Мы больше ничего о них не слышали. Люди, делающие вид что они из ФСБ страшно разозлились, когда недосчитались парочки учеников. Они снова и снова спрашивали нас, устраивали допросы по одному. Говорили, они даже прочесывали наш лесок, но те как в воду канули. Нас выпустили из здания школы поздно вечером и проводили в панельный дом, который

был близко к школе, развели по квартирам. В доме не было ни одного человека. Все жильцы куда-то исчезли.

Когда наши провожатые, а вернее конвоиры вышли из квартиры, Аля расплакалась.

— Что происходит, Тимур? Почему папа и мама не заберут меня? Где учителя и директор школы? Почему они все разрешают этим людям?

Я осторожно обхватил ее за тоненькие плечики.

— Я думаю, они не знают, что происходит. Их здесь просто нет.

Аля подняла мокрые глаза.

— А где же они? Ты ведь не думаешь, что их...

— Нет, уверен с ними все хорошо. Просто мы сейчас одни. В этом месте и в этом времени. В этой реальности. Город пуст — разве ты не чувствуешь этого?

— Мне казалось что-то странное произошло после того как вышла Ольга Львовна. Какой-то толчок.

— Да. Я тоже почувствовал.

Я подошел к окну и отодвинул шторку. Вокруг дома ходили темные фигуры. Нас сторожили. Потом осторожно приоткрыл входную дверь. Коридор был пуст. Значит, дом охраняли снаружи, но внутри никого не было.

— Тимур, что ты делаешь?

— Нужно собрать ребят и все обсудить. Сейчас очень важно держаться вместе. Подожди меня и никуда не выходи, ок?

Я прошел по длинному коридору и быстро убедился что охраны нет. Вернулся за Алей и очень тихо мы пошли по коридору, заглядывая во все квартиры. Здесь разместили не только наш класс, но еще два параллельных. В большой комнате одной из квартир, где все собрались я не разрешил включать свет. В темноте раздавались сдавленные вздохи, всхлипы. Места было мало, все расселись прямо на пол, вплотную друг к другу. Никто из присутствующих не понимал что происходит, да я и сам не понимал, но опасность чувствовал очень хорошо.

— Ну, зачем мы тут торчим. Я спать хочу — судя по голосу Саша с параллельного класса. Следующий за Самиром. Сейчас он занимал его место.

— Тебя не интересует что происходит сейчас? Тогда иди спать — ответил я. — Я хочу объяснить кое-что.

— Да ты похоже в курсах в чем дело то? — гнусавый голосок, Миша с нашего класса — Какого нас сюда согнали?

— Я хочу к родителям! Почему они не приходят за мной — какая-то девчонка, голос

искажен слезами.

— Я не знаю. Но мы остались одни — нам не на кого рассчитывать, кроме себя. Родители не придут и не помогут. Забудьте о них. Кто-то верит, что эти люди из ФСБ?

— Я не верю — Димка с нашего класса.

— Я тоже.

— Но они так сказали!

— Так откуда же? — посыпались возгласы в тревожную темноту.

— Тише! — прервал я разноголосый шум — Я не думаю, что они из ФСБ. Не знаю, зачем мы им понадобились, но намерения у них вряд ли хорошие. Нам нужно держаться вместе.

— А тебя что, кто-то главным назначил?

— Да, чего ты вдруг выступаешь?

— Да вообще, что ты предлагаешь?

Пубивать их всех, что ли?

Я вздохнул. Передо мной стайка перепуганных детей, они не понимают, в каком опасной положении мы оказались.

— Убивать не будем. Я видел у них оружие. Предлагаю завтра наблюдать и делать выводы. Если ничего не изменится, не появятся учителя и родители нужно бежать. Если в течении дня кто-то из вас поймет, что нам грозит немедленная опасность, он дает знать остальным, и будем действовать сообща. Нас все-таки больше чем их.

Но поодиночке мы одолеть их не сможем.

— По моему все это недоразумение. Я уверена, что все прояснится — сказал Вика.

— Да фигня все это!

— Да, и куда бежать то?

— И почему это ты командуешь? — узнаю голоса прихвостней Самира.

— Вы что совсем тупые? Не видите, что происходит? Нас изолировали от окружающих! Эти люди могут сделать, все что захотят. Могут убить нас, могут пытаться. Могут заморить голодом. Поодиночке мы все тут передохнем! Хотите вести себя, как сопливые дети? Да пожалуйста! Я предложил держаться вместе, чтобы выжить. Соберитесь. Перестаньте реветь, включите мозги. Если будем командой — справимся. Пока что они думают что мы растеряны, напуганы и совершенно безопасны. От нас не ожидают никакого серьезного сопротивления. Мы для них просто дети. Давайте воспользуемся этим преимуществом.

— Вот ты говоришь, говоришь... А что делать конкретно? — опять Саша.

— Наблюдать. Завтра соберемся снова и решим бежать или нет. Разбейтесь на команды по четыре-пять человек. Присматривайте друг за другом. Если вы видите, что кто-то из вашей команды исчез или ему причинили вред — давайте знать остальным и вместе мы будем стараться его

выручить. Пока нас не изолировали друг от друга, но если вдруг захотят, нужно немедленно поднимать тревогу и бежать. Словом, никто не должен быть сам по себе.

— Да пошел ты! Мы сами о себе позаботимся, и в твоих советах, шваль детдомовская, не нуждаемся. Тоже мне командир нашелся. Идем ребята.

Конечно это были «особо приближенные» Самира во главе с Сашей. Они встали и проталкивались к выходу, не особо церемонясь и наступая на своих соседей. Вскрики и ойканья заполнили комнату. В темноте я не мог точно посчитать сколько человек ушло, примерно пятнадцать.

— Все оставшиеся согласны со мной?

— Я и ребята тебя поддержим — голос Андрея, детдомовского парня. Того самого который стал негласным главой старших ребят из детдома. Вместо меня. Вслед за ним зашелестели голоса.

— Да, мы с тобой.

— Чего уж, все равно никто не предложил план лучше.

— Мне это тоже не нравится.

— Лучше так, чем одному!

Что ж, не так плохо. Основная масса прислушалась ко мне.

— Тогда первое. Забудьте обо всем, что было.

Это не игры, не баловство. Нет больше «лохов», нет тех, с кем никто не общается. Мы все в ответе друг за друга. Поняли? Второе. Чем более растерянный, запуганный и несчастный вид мы примем завтра, тем лучше. Хотя думаю особо напрягаться вам с этим не придется. Будьте наготове.

Я знал, что должно было случиться что-то страшное, чувствовал. С той самой минуты, как увидел первый сон про лес и ощутил его зов. Происходило то, что должно было произойти. Наша спокойная размеренная жизнь, видимая нормальность — вот это было странно и неестественно. А сейчас все, что было скрыто просто вылезло наружу. Но так лучше, я люблю чтобы все было по честному. Все тайное становится явным рано или поздно, все загадки раскроются и тогда мы узнаем что-то важное... Если доживем.

Утро нового дня было холодным. Пронизывающий ветер носил пожухлые листья, швырял их под ноги и в лицо. Я сам разделил мальков (так я их про себя называл) по группам ночью. Надеюсь они справятся. Сейчас я сделал для них все, что мог. Я сам не понимал откуда навязчивое желание защитить этих подростков. Кто они мне? Половина из этих ребят меня не любила, друга половина боялась, дорога мне только Аля. Но внутри крепло сознание, что очень важно для меня

спасти как можно больше. Они были нужны, очень нужны для цели, пока мне не понятной.

Крепко поддерживая Алю под локоть я послушно шел к школе, куда нас опять сгоняли. Около десяти человек во главе с Саней пропали. Должно быть улизнули ночью. В классах нам дали поесть. ФСБ-шники ждали чего-то, тянули время. Нужно было выяснить чего именно? Я насчитал пятнадцать человек всего, десять мужчин и пять женщин. Все были вооружены. Некоторые из них смотрели на нас оценивающе, как будто пытаюсь решить для себя что-то. Некоторые — с презрением, впрочем к такому взгляду мне не привыкать. В классе с нами осталось двое. За ночь решение бежать уже укоренилось в моей голове. Раньше я не был уверен, что это правильный путь, теперь же я знал точно — нужно бежать, останемся — пропадем.

Перед тем, как уйти хотелось узнать как можно больше о враге. То, что эти люди нам враги было очевидно: подозрительные вопросы, их взгляды. Они ненавидели, презирали и испытывали отвращение одновременно, к нам — обыкновенным школьникам. Почему? В помещении с нами двое, всего двое. Вот один отвлекся на звонок по телефону. Я тихонько кивнул Паше, парню с моего класса, который занимался в спортивной секции айкидо. Кроме того он вообще был толковый пацан,

быстро соображал что к чему. Я указал глазами на одного из сторожащих мужчин и прижал палец к губам, показывая, что нужно сделать все тихо. Потом наклонился к Але.

— Сейчас выйди и попросись в туалет — прошептал я ей на ухо еле слышно.

— Но...

— Делай, что говорю, быстро.

Аля пожалала плечиками скорчила жалобную рожицу и вышла из-за парты.

— Простите, мне очень нужно в туалет. Вы не могли бы...

Внимание наших сторожей отвлеклось и я дал знак Паше. Не знаю, как действовал он, но я просто схватил со стола учителя вазу и разбил о голову «моего» охранника. Когда повернулся второй уже лежал на полу.

— Тихо! — в классе уже слышался радостный гул и возня. — Хотите, чтоб другие агенты нас засекли? Этих нужно связать, и рты заткнуть. Я хочу пойти посмотреть что делают остальные ФСБ-шники. Не знаю, сколько у нас времени, но если вдруг что-то произойдет, их вызовут например (я кивнул на тела), или зайдет кто, оглушайте и бегите в лес. Паша ты за старшего. Ждите меня там, я вас найду.

— Тимур — всхлипнула Аля, все еще растерянно стоявшая возле доски.

— Я быстро.

Перед тем как уйти я обыскал самозванцев. У них были удостоверения, но настоящие ли я не знал. А вот пистолеты были самыми настоящими. Я их вытянул и забрал с собой. Оба. Еще не хватало, чтобы кто-то из мальков размахивал оружием, и без того обстановка напряженная.

Школьные коридоры были пустыми и гулко тихими, как будто я вышел из класса во время урока. Где искать главаря этих уродов? Тут мое внимание привлекли шаги. Кто-то подымался на второй этаж по лестнице и я быстро скользнул в туалет. Двое мужчин несли нечто, завернутое в темную тряпку и судя по их осанке тяжелое. Вот один из них приостановился и из-под темной тряпки выскользнула рука. Обыкновенная человеческая рука. Меня передернуло.

Они прошли в кабинет директора. Я подождал, пока за ними закроется дверь, вышел из своего укрытия и прижался ухом к двери кабинета. Разговаривали двое: мужчина и женщина.

— И что дальше? Мы не можем держать их так долго! — басил мужской голос.

— Это просто дети. Информация ошибочна. Никакого перехода не произошло — возражала женщина.

— Мы не можем рисковать. Даже если его еще не было, то он может случиться.

— Предлагаешь уничтожить без малого пять десятков детей из одной только предосторожности?

— Это не дети. Сама знаешь, во что они могут превратиться. Мы не можем позволить этому произойти. Нам и так достаточно долго мешали.

— А те, что бежали?

— Их ищут. Остальных нужно убирать, пока и они не пропали. Чертовы детишки расползаются, что твои тараканы.

— Но анализы чистые. Вот только этот долговязый мне не нравится. Взгляд у него какой-то не детский.

— Мы поступим, как планировали. Нельзя больше медлить, удерживать это место становится все труднее. Днем мы будем вынуждены либо вернуть все как было и уйти либо...

— Давай посмотрим на тело.

Раздалась какая то возня.

— Вы поймали этого в лесу? — спросил мужчина.

— Нет, босс. Он прятался в городке. В лесу мы никого не нашли — подобострастный голос.

— А остальные?

— Пока не нашли.

— Какого черта? Не можете поймать парочку детишек?

— Они ориентируются здесь лучше нас...

— Продолжайте поиск. А зачем открыли

огонь?

— Кинулся на нас с монтировкой, волчонок.

— Ясно. Зрачки нормальные, пульса нет...

Смерть похоже настоящая.

— Ну что решаем?

— Покончим с этим. Не стоит рисковать.

Я не стал слушать дальше и быстро направился к классам. Постучал в один, и как только выглянул урод, выдающий себя за агента ФСБ схватил его и стукнул о бетонную стену. Со вторым на удивление быстро справились ребята. В остальных классах все происходило по похожей схеме. Мы стучали, отвлекали внимание и оглушали. Только в последней стычке не повезло, агент успел выстрелить и Сеню ранило в руку.

Бегство было не слишком организованным. Мы просто выбежали из здания и со всех ног кинулись к лесу. Я крепко держал за руку Алю. Бежать было неблизко, а лже-ФСБ-шники быстро оклемаются, и бросятся за нами, а может уже бросились. Я стремился в лес всеми силами своей души, а лес тоже рвался мне на встречу, словно чувствуя, что я уступаю наконец его зову. Мы добежали за десять минут, хоть я не мог понять как такое возможно, разве что по воздуху. Пешком до леска было не менее сорока минут, да и вместо жиденькой поросли березок, с которой начинался наш лес вокруг высились исполины дерева. Воздух

наполнился запахом влажной коры, листьев и еще чего-то неведомого, стал другим, незнакомым.

Ребята повалились друг на дружку, кто где стоял, пытаясь отдышаться. Я подошел к Сене, чтобы перевязать его, как умею. Он был почти без сознания. Я быстро разорвал на полосы свою рубашку, одновременно подсчитывая ребят. Насчитал всего сорок пять человек.

— Я помогу тебе. У меня мама медсестра — ко мне подошла темноволосая, высокая девчонка с соседнего 11Б класса, я видел ее иногда в школе. Она была ширококостной, с крупными чертами лица, и казалась флегматичной. Помогая мне перевязывать Сеню, Таня (так ее звали) проявила сноровку и умение, что было кстати потому что я знал о первой помощи чисто теоретически, и руки не слушались. Да и мысли были о другом, в голове мелькали варианты дальнейших действий, как картинки в калейдоскопе.

Вокруг меня был лес из моих снов — величавый, густой, с кронами настолько густыми, что они образовывали над головами шатер и внизу царил полумрак. Я привел нас всех в то самое место, что давно не давало мне покоя.

Нужно было торопиться, идти дальше. Я знал, что мы не пройдем лес насквозь, а выйдем на знакомую мне по снам и ночному походу дорогу. И вряд ли ФСБ-шники смогут пойти туда за нами.

Куда она приведет? Снова в разрушенный город из моего сна или в другое место? Что ждет нас там? Я не знал. Знал только, что пути назад нет.

* * *

Сегодня мои видения обрели лицо. Увидев его, я поняла, что уже никогда не забуду, потому что никогда не встречала таких красивых лиц раньше. Но дело даже не во внешности. Когда наши глаза встретились, что-то произошло у меня в сердце. Зеленоглазый блондин, я увидела его мельком, бродя по странным и непонятным местам в своем воображении. Он сидел на крупной черной лошади, был задумчив и печален. Длинные прямые волосы шевелил ветер. Потом зеленые глаза посмотрели в мою сторону и я успела заметить в них удивление. Он видел меня, этот красавец из неведомого мира, хотя как такое возможно? За многие и многие дни проведенные в этом доме скорби я почти поверила, что мои видения были галлюцинациями. Другие больные тоже описывали красочные и удивительные места, рассказывали о небывалых приключениях... Заболевания разума — самые страшные, потому что человек теряет ощущение реальности. Я почти поверила, что больна, но только почти. Надежда, что я вижу не галлюцинации а нечто большее, возможно

альтернативную реальность, не покидала меня. А после того, как увидела его, перестала принимать лекарства. Брала их в рот, а потом выплевывала, когда медсестра отворачивалась. Я считалась образцовой пациенткой. Как-то я даже слышала разговор двух врачей нашего отделения. Они говорили, что не могут понять, почему Юрий Андреевич меня не выписывает.

— По-моему девочка совершенно нормальна, а ее отстраненность и нелюдимость... Что ж, такое не лечится. — сказал, пожимая плечами, один из них.

Хотела бы я, чтобы и Юрий Андреевич так думал. Он мне не верил. Уже неделю я талдычила ему о своих планах на будущее, о жажде общения со сверстниками, и о том, что мое сознание не беспокоят никакие странные видения или сны. Он только качал головой. Я решила, что если он не сдастся через неделю и не выпишет меня, подам жалобу начмеду.

Я вздохнула, и ведя рукой по влажным стволам деревьев, побрела дальше. Сегодня был туман, но я все равно совершала обычную двухчасовую утреннюю прогулку. Если не гулять, можно и в самом деле свихнуться. Стоило мне закрыть глаза лицо из видений вставало перед глазами. Оно было повсюду — мелькало в отражении на воде, подстерегало в зеркале. Я

прикладывала огромные усилия, чтобы не подавать вида и вести себя нормально, не застывая с открытым ртом в ванной комнате, или за игрой в шахматы в общей комнате.

Хорошо, что сейчас в парке я была одна, потому что туман перед моими глазами начал выделять странные трюки. Он заколыхался, стал плотнее, и из серой мглы выступили знакомые черты. От неожиданности я чуть не споткнулась о корень и не упала. Обычно, чтобы увидеть что-либо, я должна была сосредоточиться, ввести себя в особое состояние, или заснуть, но сейчас видение возникло без всяких усилий с моей стороны. Изваянное из тумана лицо казалось еще печальнее.

— Почему? — вопрошали туманные губы — Почему опять ты? Зачем мучаешь меня?

Я протянула руку, чтобы прикоснуться и утешить, но рука нашла только влажную сырость. Лицо стало пропадать. После этого происшествия я минут пятнадцать размышляла- может стоит все же перестать выплевывать таблетки, прописанные Юрием Анатольевичем, но потом решила, что всегда успею это сделать. Сегодня говорящий туман, интересно что же будет завтра?

* * *

Я шагал по дороге, наблюдая, как густеет и видоизменяется лес. Стены не было видно. Сзади уже раздавались удивленные возгласы. Странно, я был уверен, что большая часть старших классов знают про лес из снов, но видимо нет.

— Эй, Тимур Сусанин! Куда ты нас ведешь — не выдержал Паша из моего класса. Его поддержал нестройных хор недовольных голосов.

— Мы устали уже!

— Мы заблудились наверно, уже давно должны были выйти на трассу!

— Куда ты нас тащишь?

— У меня каблук сломался!

— А у меня ноготь!

— А я жрать хочу!

— Сене в больницу надо!

— Ладно, привал — я успокаивающе поднял руки. — Как там Сеня?

— В себя не приходил пока — ответила Таня.

Мы смастерили не слишком удобную волокушку, которую парни тянули по очереди.

— Какого черта тут происходит — возмущенно сказал Андрей, подходя ко мне — Куда ты нас завел? Мы должны уже раза три пройти наш лесок насквозь!

Я не отвечая, остановился и остальные последовали моему примеру.

— Так, поднимите руки, кому знакомо это

место! Оно должно было вам сниться! Ну, ну смелее. Кому оно снилось? — крикнул я. Ответом была изумленная тишина. Потом примерно три четверти ребят подняла руки. Значит лес действовал не на всех?

— Я никогда не видел это место по настоящему, всмысле, не во сне — задумчиво сказал Паша — Много раз гулял в нашем леске, но ничего похожего не нашел. А сейчас мы спим или это и правда происходит?

Я огляделся. Множество глаз смотрели на меня с недоумением и испугом.

— Нужно выйти на дорогу и добраться до какого-то города — предложила красивая блондинка, имени которой я не знал.

— Да, ведь у нас нет вещей, и еды и воды... Что мы будем делать? — всхлипнула Катя.

— А тут водятся звери? Например медведи или волки? — брякнул кто-то.

Аля взяла меня за руку и заглянула в глаза.

— Ведь правда Тимур. Мы не взяли совсем ничего...

— Да, забыли, ты права. У нас ведь было так много времени, чтобы собраться, и самые честные на свете агенты из ФСБ не дышали в затылок.

— Не злись. Мне страшно, мы все напуганы и не знаем что делать.

— Ладно. Эй, слушайте все! — я повисил

голос перекрикивая многоголосый шум.

Голоса затихли. Но потом нескладный и прыщавый паренек, по кличке Мерешка, вскочил на ноги.

— Мы слушали тебя и что теперь? Посмотри, куда ты нас завел!

— Заткнись. Все, кто думает, что может справиться с ситуацией лучше меня, может валить. Но перед тем, как вы свалите послушайте вот что. Люди, которые захватили нас были вовсе не из ФСБ. Они не расследовали никакие пропажи. Как раз перед нашим побегом они приняли решение нас всех перебить. Я лично видел, как одного из сбежавших с Сашей, ночью принесли завернутого в тряпку. Мертвым. А теперь самое интересное — я не знаю, где мы. Это не наш лес, и вообще не обычный лес. Нам некуда идти и не к кому обратиться. Я думаю, мы за пределами привычного мира, а теперь если кому-то охота бродить в одиночку в этом странном и непонятном месте — скатертью дорога. Но оставшиеся, учтите. Первому же, кто спросит меня по какому такому праву я тут командую, я дам в морду. Мой нож у меня в кармане, так что не советую со мной сориться. Не нравится — уходите, но не мешайте нам пытаться как-то выжить.

Я замолчал и обвел взглядом притихших подростков. Никто не встал и не ушел. Собственно,

как я так и думал.

— Теперь на вопрос что делать дальше. Сейчас мы все идем вперед, пока не найдем подходящее место для привала. Там мы попробуем найти дрова или хворост, чтобы зажечь костер. Мне кажется, здесь должен быть заброшенный город. Попытаемся найти его и обустроиться. Деление на команды по четыре в силе, я не знаю, что скрывается в этом лесу, поэтому присматривайте друг за другом. Теперь небольшой бесплатный совет от меня — если вы будете ныть, жалеть себя, пытаться понять какого хрена происходит, или убеждать себя что вы спите — вам крышка. Берите Сеню и потопали.

Я первым зашагал вперед. Над головой таинственно шелестели листья, пахло влажной землей и мхом. Идти было нелегко, под ногами переплетались узловатые корни деревьев, но я чувствовал себя хорошо, просто отлично. Гнетущее чувство, которое донимало меня последние месяцы, исчезло. В лесу дышалось легко, и с каждым шагом ко мне приходила уверенность что я делаю то, что должен. Было правильно, что я сейчас здесь. Школа, городок — все казалось далеким и нереальным.

— Ты как, не устала? — обратился я к Але, шагающей рядом.

— Пока нет. Тимур, а надо ли так жестко? — я понял, что она про мою речь.

— Надо. Мы сейчас по всем признакам в чрезвычайной ситуации. Встает вопрос выживания, а здесь не место для церемоний.

— Ты так легко это принимаешь... я вот все еще в шоке и не могу понять, что происходит. Где мои родители? Почему не ищут меня? Где я сейчас, что это за лес? Это ведь не наш лес, да?

Я стиснул ее крошечную ручку.

— Думаю, каждый сейчас испытывает что то похожее. Но именно поэтому нужно их встряхнуть. Мы должны держаться вместе, чтобы выжить.

— Это странно. Ты никогда не думал о других.

— Да.

— И по моему, тебе плевать на всех.

— Ты видишь меня насквозь. Но о тебе я хочу заботиться. Правда.

Аля удивленно покачала головой.

Я всегда был равнодушен к окружающим меня людям. Наверно потому что и люди были ко мне равнодушны. Кому кроме Али было дело, жив я или мертв, болен или здоров? Но сейчас мне было не все равно. Я чувствовал, что должен присмотреть за остальными, потому что это правильно.

Так должно быть. Я не мог объяснить это даже сам себе, только знал — они важны. Не для

меня, но важны.

В это время нас снова нагнал Андрей. Его серые глаза настороженно поблескивали из под нахмуренных бровей.

— Тимур?

— Чего?

— Откуда ты знаешь, куда нам идти?

— Я не знаю.

— Но ты говорил про город.

— Да. Думаю он где-то здесь. Я видел его, правда во сне.

— В другой ситуации, я сказал бы что ты совсем спятил, но теперь... Мне кажется, что спятил весь мир вокруг. Мне снилось это место. Оно звало меня, понимаешь?

— Вполне.

— А ты правда видел труп?

— Видел. Они прикончили его и собирались сделать тоже самое с нами.

— Но почему? Кому мы мешали? О нашем Богом забытом городке и не слыхал никто, кроме нас!

— Не знаю. Думаю, это как то связано вот с этим местом. И с тем, что оно нас звало.

— Знаешь, ты был прав — Андрей покачал головой — лучше не пытаться понять, что происходит, а то крыша едет. Слушай, ты ведь не в обиде на меня? Мы особо никогда не общались, но

я тебя всегда уважал.

— За что это я должен быть в обиде?

— Что я лишнего сказал. Ну и за ребят. Место то освободилось, когда ты ушел, ну и я решил — почему нет? Но сам я никогда не считал, что ты поступил неправильно. В конце концов каждый сам выбирает как ему жить.

Я усмехнулся. Понимающий Андрей — это что-то новое. Ну да ладно, кто старое помянет...

— Забыли. Какое это сейчас имеет значение?

— Я просто не хочу на ножах с тобой быть. Нас, детдомовских, тут не много, но нам нужно держаться вместе, верно? Так что я и ребята тебя поддержим, если что.

— Заметано.

Всегда на стороне сильнейшего. В детдоме прививался главный закон Дарвина, что Андрюха мне и продемонстрировал. Может, в этом есть свой резон.

В лесу постоянно царил мягкий зеленоватый полумрак, но по моим подсчетам уже должно было быть около пяти вечера. Все это время я думал о какой-то поляне или прогалине для привала. И о воде. Пить хотелось ужасно. Как искать воду в лесу? Я не знал. И решил попробовать найти ее так же, как искал во снах заброшенный город. Постарался очистить голову и сосредоточиться на воде. Как она журчит, течет по камешкам. Как она

зовет меня. Для верности, я закрыл глаза, вспоминая ощущения во время того, как шел к каменной стене. Позволил лесу вести меня. Не знаю, сколько я так прошел, но раздались возгласы, и открыв глаза, я увидел просвет между деревьями. Там виднелась поляна, а за ней журчал ручей. Ребята кинулись вперед.

— Нет, стойте! Это может быть опасно! — крикнул я, но поздно.

Не слушая никаких моих предостережений вся орава ломанулась к ручью и пять минут не было слышно ничего кроме жадных глотков. Возле меня осталась только Аля, да Андрей с пятью детдомовскими парнями. Я посмотрел на них и пожал плечами. Пить сырую воду в таких условиях рискованно — кто знает какие бактерии в ней живут? Как-то в передаче я видел, что можно сделать элементарный фильтр, если набрать в куртку песка и гальки, а потом пропустить воду через все это. Лучше бы конечно прокипятить, но не чем — ни чайника, ни огня.

Как хоть немного дисциплинировать и научить осторожности старшеклассников? Они не привыкли сдерживать себя.

Вода была прохладная и сладковатая, самая вкусная вода в моей жизни. Напившись, я присел у журчащего ручья, чтобы наблюдать за бликами света в воде. Смерть от жажды нам не грозила и

вставал вопрос, что делать дальше? Тогда, ночью, я дошел до стены и разрушенного города быстро, а сейчас мы прошли полдня. Я задумался. Расстояние в этом лесу измерялось не так, не привычными нам способами. Я закрыл глаза, слушая песню ручья. Все здесь было наполнено смыслом, даже сам воздух нес информацию. Еще немного и я смогу понять.

— Тимур? Тимур!

Меня настойчиво трусили за плечо.

— Ну какого черта?! — огрызнулся я, разозленный что прервали в такой момент.

— Хотим посоветоваться, что дальше делать — немного опешив от моей грубости промямлил Паша.

Я выдохнул.

— Да. Конечно.

— Сене очень плохо. Таня говорит у него жар.

Я вскочил на ноги, решив про себя вернуться на это место ночью, когда все улягутся спать и никто мне уже не помешает понять, вникнуть в тайну, что скрывал лес. В том, что смогу это сделать, я даже не сомневался, а пока нужно заняться более насущными делами. Сеня был совсем плох, он пришел в себя ненадолго, и мы с Таней напоили его водой и промыли рану — все что мы могли сделать для него в этой ситуации. Рана выглядела нехорошо, она покраснела, кожа

вокруг была горячей на ощупь. Таня отвела меня чуть в сторону.

— Попала инфекция. — озабоченно сказала она.

— Это я понял — пробормотал я.

— У нас нет никаких антисептиков, бинтов, антибиотиков, жаропонижающего. Вообще ничего нет.

Таня буравила меня глазами. Я понимал на что она намекает. Сеня был худощавым и болезненным, вряд ли у него хватило бы сил самостоятельно перебороть болезнь. Сколько у него в запасе — два дня? Или три максимум. Сначала воспаление, лихорадка, потом возможно нагноение, гангрена...

— Я пока не знаю, как помочь ему — ответил я на ее немой упрек.

— А потом что-то измениться?

Ну почему все постоянно обвиняют меня во всем происходящем!

— Я не знаю.

Таня смотрела на меня почти с ненавистью.

— Мне очень жаль — все что я мог сказать.

Я отправил ребят искать дрова командами по четверо. У нескольких курящих завалялись зажигалки. При некотором везении можно будет разжечь костер — под вечер холодало. Потом мы определили какая команда дежурит первой. Не все

и не сразу согласились с тем, что спать в незнакомом месте под открытым небом без охраны, мягко говоря, глупо. С терпением, удивившим меня самого, я втолковал этим неразумным, что дежурить просто необходимо, хотя бы, чтоб голодные обитатели леса не закусили их нежным молодым мясом. На меня сыпались один за другим вопросы, на которые я пока не мог дать ответ.

— Тимур, а что мы будем есть?

— Как же нам спать на голой земле?

— Мы теперь станем дикарями?

— Что делать дальше, Тимур?

Когда все наконец устроились на ночлег, я подстелил свою куртку для Али. Она не задавала вопросов, но по ее глазам я видел, что ей страшно. Нежно обняв Цветочек я укачивал ее, как ребенка, пока она не заснула, свернувшись у меня на руках в калачик. Тогда я переложил ее на куртку, закутал, насколько это было возможно, а сам вернулся к ручью и сел на его берегу. Сосредоточился, и постарался вернуть то дневное ощущение. Постепенно мне это удалось. Деревья и ручей, и ветерок, все лесные шорохи заговорили со мной, но я никак не мог понять, о чем они шепчут. Не знаю сколько я просидел так, время исчезло, перестало иметь значение, потом я почувствовал знакомый призыв. Это было странно, ведь я уже находился в лесу. Но призыв становился все сильнее и сильнее.

Я встал на ноги и последовал за ним. Сейчас, в темном лесу я не спотыкался о корни, не путался ногами в сухих ветках, моя походка была уверенной. Вскоре смутный белесый проблеск между деревьями привлек мое внимание. Призыв шел оттуда. Я сделал еще несколько шагов а потом резко остановился, пораженный увиденным. Между деревьями стоял большой зверь, его светлая шерсть слегка флуоресцировала в лунном свете. Я никогда не видел ничего подобного. Размера он был где-то с лошадь, на которую и был похож, но только на первый взгляд. У зверя были не копыта, а скорее лапы, как у хищника, например у льва. Гордая голова сидела на грациозной шее, довольно длинной, морда была слегка вытянута вперед, будто кошке вытянули нос, словно волку. Выглядело необычно. Уши украшали кисточки. Зверь рассматривал меня, наклонив голову. Я не сомневался, что в закрытой пасти полно острых и длинных зубов, и первым порывом было бежать. Но никакой агрессии животное не проявляло, просто смотрело на меня. Его желтые, с серповидными зрачками, глаза, светились странным для зверя разумом.

— Что же ты такое? — подумал я про себя, изумленно рассматривая непонятное существо. И мое дыхание сбилось, когда в голове сам собой сложился ответ — Лиарн. А потом я,

притягиваемый непонятной и непреодолимой силой, посмотрел зверю прямо в глаза. Мир взорвался на тысячи осколков и исчез.

* * *

Сегодняшний вечер был особенным. На горизонте полыхали зарницы, воздух загустел и наполнился электричеством. Гроза в ноябре — это само по себе странно. Но еще страннее чувство ожидания, которое преследовало меня с самого утра. Даже нет, не так. Оно не покидало меня с тех самых пор, как я видела в саду лицо из тумана. С того самого момента я ждала, сама не знаю чего. Ждала, сидя в кабинете Юрия Анатольевича. Ждала, проводя время в общей комнате. Ждала гуляя, ждала даже на встрече с родителями. Сейчас я сидела в палате возле окна в наушниках, слушая свою любимую песню, и наблюдая за приближением грозы. Небо стремительно темнело, наливалось тучами. Все больные сегодня были особенно беспокойны, крики и топот в коридоре не умолкали. Наконец, огромная молния расколола небо пополам, и оно разразилось потоками воды. Шквальный ветер пригнул деревья в больничном саду. Вот какой-то кулек пронесся мимо окна, и взмыл высоко-высоко в темное клубящееся небо. Свет в комнате заморгал и погас. Наверно, ветер

сломал дерево, и оно упало на провода. Скоро глаза привыкли к темноте. Какое-то время я наблюдала за буйством стихии за окном. Через минут десять пришла медсестра со свечкой.

— Что случилось Надежда Кирилловна? — спросила я у дородной, добродушной женщины.

— Да кто ж его знает! Вона, что с погодой творится. Видать, обрыв на линии где-то. Раньше утра света нам не видать. Господи, ну и денек сегодня! Сара, детонька, только ты нормально себя чувствуешь, а остальные как показались все! Что за жизнь, куда мир катится! Гроза! Это в ноябре-то! Близится конец этому свету, помяни мое слово.

Бормотание медсестры медленно затухало в коридоре.

— Ни тебе телевизора посмотреть, ничего. И торчи в темени до самого утра! Холодильник как пить дать, потечет. Ох, Господи, Господи, годы мои уже не те...

Я усмехнулась, и уставилась на свечку, которую поставила на подоконник, словно сигнальный знак неведомо кому. Люблю огонь, в нем есть что-то первобытное и очень правильное. Он успокаивает, дает свет и тепло. Я поднесла руку к свече. Пламя то горело ровно, то трепетало. Батарейки в плеере сели, и я стянула наушники, тихонько напевая только что прослушанную мелодию. Огонь свечи отражался на стекле, там

было и мое отражение. Оно дрожало и меняло очертание, иногда становясь уже не моим, а чьим-то другим. Стало немного жутко, я отвернулась от окна. На стенах и потолке плясали блики, палата сразу стала как будто больше в размере, а мой мирок сузился до небольшого, освещенного свечой, пятючка. За окном все завывал ветер, поливая стекла потоками воды. Бежали секунды, минуты. Мне вдруг стало так уютно и спокойно со свечой. В памяти всплыло лицо того незнакомого человека, что являлся в моих видениях. Я бы хотела, чтобы он был рядом. Узнать как его зовут, чем он живет. Не отрывая глаза от огня, я мысленно потянулась к нему и пространство комнаты вдруг словно поплыло, продернулось рябью, как будто в спокойную воду камешек кинули. Я вскочила на ноги, стул отлетел к стене, пламя свечи заколебалось. Вот это да! Что происходит? Либо я окончательно и бесповоротно сошла с ума либо...

Я быстро подняла стул и снова села возле пламени. Нет, в этот раз я не испугаюсь. В жизни моей нет ничего достойного сожаления, а реальность скучна и тосклива, зачем держаться за нее? Если я сошла с ума, то мне уже ничего не поможет и я уплыву в мир своих иллюзий. Там лучше, чем наяву. Если же я нормальна, тогда смогу попасть куда-то... Куда-то далеко от

психушки и родителей, которые не принимают меня такой, какая я есть. Я снова пристально посмотрела на свечу, постепенно отстраняясь от окружающего и думая о моем незнакомце. Комната заколебалась, но я не стала отвлекаться. Пусть себе колышется и рябит, мне-то что? Пламя свечи горело спокойно. Вот оно стало разрастаться, заполнило собой всю перспективу. А в нем угадывали черты лица того, к которому я так стремилась. Он улыбнулся мне, поманил рукой, и я шагнула в пламя.

В ту же секунду все изменилось. В лицо пахнуло чем то холодным, в глазах потемнело.

* * *

Влага на моем лице. Лежать неудобно. Твердо. Где я?

Открыл глаза. Поморгал. Между ветками деревьев просматривалось серое утреннее небо. Я лежал навзничь на земле, и моя одежда промокла от росы. Осторожно сев на колени, я вызвал в памяти последние события, чтобы понять, что же произошло. Вспоминался пронзительный взгляд неизвестного существа. После него я уже ничего не помнил. Случилось странное со мной, я ощущал себя совсем по-другому. Знание, которое я тщетно пытался ухватить раньше, втекло в меня, стало

часть моей сути. Я вскочил на ноги и втянул воздух. Лес был прекрасен, он пел и я слышал эту песню.

— Тимууур! Тимууур! — раздавалось издали. Я пошел в сторону нашего лагеря, размышляя, говорить ли о новых ощущениях своей группе. Наверное, пока не стоит. Всему свое время.

Обеспокоенные Паша, Андрей и Аля подбежали к мне. Аля молча бросилась ко мне на шею.

— Тимур! Куда ты пропал? Мы тебя уже полчаса ищем! — Андрей удивленно оглядел меня — Ты мокрый?

— Гулял — пояснил я, не вдаваясь в детали.

— Всю ночь? — Андрей недоверчиво прищурился.

— Я уже перепугалась — Аля обняла меня чуть выше пояса. Из-за роста, она просто не дотягивалась выше.

— Все в порядке. Мне нужно было подумать, что нам делать дальше.

— Ну и как? Надумал? — поинтересовался Андрей.

— Да. Когда все встанут, я расскажу свои планы на будущее.

Я огляделся. Кое-кто уже проснулся, кто-то еще сидел пытаясь продрать глаза.

— Ночь прошла спокойно? — спросил я у Паши.

— Да. Смены менялись, как ты и сказал, каждый час, все было тихо. Но Сене очень плохо. Он бредит.

Где-то на границе сознания и подсознания мелькнула догадка, как помочь Сене выжить. Он была пока что смутной и странной. Сначала нужно было попасть в место где я планировал поселиться, хотя бы временно, потому что для нас пока было невозможно вернуться обратно к привычной жизни. Я на секунду закрыл глаза, представляя заброшенный город. Теперь я понимал, как туда попасть. Точнее нет, понимал — не то слово. Я просто знал, как это сделать, но недоумевал, откуда взялось это знание и как оно работает. Точно также я твердо знал, что нам не грозит смерть от голода. Не знаю почему, но во мне крепла уверенность, что как только я захочу поохотиться (а откуда же еще взять пищу в лесу?), то без труда смогу раздобыть что-то. Или кого-то. Это было странное и немного чуждое ощущение для человека выросшего в городе, но мне не хотелось проводить самоанализ. Я понимал, что изменился этой ночью, впустил в себя неведомое. Впустил лес, свое предназначение, и судьбу, какой бы она ни была.

Среди ребят тоже произошли изменения. Несколько человек были странно притихшими и задумчивыми. Это было тем более непонятным, что среди них оказались самые недовольные и

крикливые.

Когда все проснулись, на меня посыпались упреки и вопросы, бесконечные жалобы. Я все это игнорировал, стараясь не раздражаться. Мои сверстники казались неразумными детенышами, копошащимися и суетливыми.

— Если не хотите заблудиться идите за мной — бросил я, и взяв Цветочек за руку, пошел к заброшенному городу.

Наши привычные физические законы не работали в этом месте. Расстояние и направление не имели значения, так же, как и время. Вернее нет, не так. Возможно и расстояние, и время, и направления остались вполне обычными для всех остальных, но не для меня. Сейчас я просто представил себе заброшенный город таким, как я его запомнил, и потянулся к нему. Он, в свою очередь, потянулся ко мне. Это требовало определенных усилий. Было ощущение продавливания через что-то вязкое, но очень скоро знакомая стена возникла перед нами. Я остановился и вытер лоб. При дневном свете город был немного не таким, как я его помнил, более прозаичным — просто груда развалин. Полуразрушенные каменные дома, остатки каких то статуй и постаментов, поросшая сквозь камни зелень.

Мерзость запустения- кажется это выражение из библии. Именно оно наиболее точно описывало

данное место. Мне было неприятно видеть город таким, словно собственный дом подвергся разрушительной силе времени и природы.

Когда мы прошли через пролом в стене и увидели полную картину, разговоры за моей спиной постепенно затихли. Лица у ребят были ошеломленные и перепуганные. Я знал, многие убедили себя, что мы просто повернули не туда и заблудились, они не желали верить, что наступил конец их привычному существованию, их уютному миру. Те, кто еще питал иллюзии, сейчас должны были лишиться их окончательно.

Аля подняла на меня изумленные глаза.

— Что это, Тимур? Куда ты нас привел?

— Наверное, в наш новый дом — пожал плечами я — Пока я не могу сказать точно.

Минуту стояла подавленная тишина.

— Но как же... Мы должны вернуться домой! — темноволосая миниатюрная девушка, которую кажется звали Аней, заплакала. Мне стало от души ее жаль, но что я мог сделать?

— Какого черта ты притащил нас сюда? — орал Макс.

— Мы должны найти дорогу к людям! — настаивал Мерешка.

— Я не собираюсь торчать в этих развалинах, как какой-то еж!

— Это ты все виноват! Ты специально завел

нас сюда! — обвиняла Вика.

Поднялся невообразимый гвалт. Андрюша со своими «пацанами» подошли ко мне поближе, на всякий случай. Краем глаза я заметил, что Паша, Таня и еще несколько людей, составили вокруг меня нечто вроде защитного круга. Я усмехнулся — мне не нужна была ничья защита, но приятно видеть что какое-то ядро нашей группы уже сформировалось. Всегда хорошо, когда есть помошники, на которых можно положиться. Я подождал пару минут, давая ребятам возможность излить все свое негодование, а потом поднял руку.

— Все хватит! Все заткнулись! — я постарался вложить в свой голос ту силу, которую ощущал вокруг себя. Судя по тому, что недовольный гомон утих, у меня получилось.

— Хватит орать — повторил я — От этого ничего не поменяется. Повторю для тупых. Мы не можем попасть домой, потому что здесь, в этой реальности, нет места, где находится наш дом. Я не знаю, как мы попали сюда, и как уйти отсюда, тоже не знаю. Это не я привел вас сюда, я просто помогал вам держаться вместе, чтобы выжить. Это место — я повел кругом рукой — что-то хочет от нас, и лучше всего не сопротивляться. Сейчас мы постараемся устроиться здесь — построим убежище, я раздобуду еду. Если будем держаться вместе, не пропадем.

— Откуда нам знать, что ты не спятил? — поинтересовался кто-то из толпы.

— Ниоткуда. Не полагайтесь на мои слова, попробуйте почувствовать все сами. Многим из вас снилось это место. Многие чувствовали его зов. Каждый в глубине души знает, что все сказанное мной правда, я просто не боюсь говорить ее вслух. А теперь хватит болтать, у нас много работы.

Да, вот еще что. Я никого не держу. Если кто-то хочет уйти — пожалуйста.

Ребята еще пороптали, а потом, видя что я просто игнорирую любые попытки вступить со мной в конфликт, уgomонились. Мы молча пробирались через развалины, подбирая все, что могло пригодиться. Нужно было найти более менее просторный участок, и очистить его от мусора, чтобы расположиться там.

Сначала у меня мелькнула мысль заделать пролом в стене, но я сразу же ее отбросил. Неправильно отгораживаться от леса. Почему-то мне казалось, что жившие здесь раньше, совершили эту ошибку, и она оказалась фатальной. Поэтому я ограничился тем, что выбрал самые уцелевшие дома и решил попробовать их восстановить со временем. А пока центральная площадь города, просторная, и наименее заваленная всяким хламом, вполне сгодится на устройство временного лагеря. Круглой формы, она была вымощена гладкими

каменными плитами, а в середине, ближе к строению в форме пирамиды, ряд колонн отделял круг. Я узнал это место — именно здесь проходила беседа со странным существом.

Раздав задания по обустройству нового места, я оставил Андрея и Пашу присматривать за ребятами, а сам отправился на поиски воды и еды. С водой было проще — раз здесь было поселение, значит вода неподалеку. Охотиться же без оружия сложно. Я огляделся вокруг. В зеленоватом сумраке леса не было видно ни одного живого существа, только щебет птиц доносился откуда то сверху, где между листьями пробивался солнечный свет и виднелись клочки пронзительно-синего неба. Лес был красив. Я совсем не романтик по природе, скорее циник, но невозможно было оставаться равнодушным в этом буйстве красок. Грубо говоря цвета было всего три — коричневый, зеленый и красный. Но они варьировались миллионом оттенков, от светло-медового и коричнево-серого до насыщенно бурого, от сочно-зеленого до салатого. Местами можно было увидеть яркие цветочные пятна — красные листья или цветок. Я забыл зачем пришел и просто брел вперед наслаждаясь окружающим. Мне было комфортно и удобно. Постепенно запахи и звуки леса проникли внутрь меня. Я сел на мягкую подстилку из старой листвы и мха, облокотился на ствол. Оно появилось

не сразу, существо, которое я видел ночью. Медленно подошло ко мне и согнув передние лапы прикоснулось мордой к моему лицу почти нежно. Как и ночью, я не испугался, было приятно видеть этого зверя — мощного, сильного и в то же время изящного. Под коротким мехом перекачивались мышцы. Не задумываясь я положил руку на шею лиарна. Золотисто медовые глаза со странными зрачками настойчиво искали мой взгляд. Оно словно спрашивало, что меня тревожит.

— Нужна еда. И один из нашей группы умирает, а я не знаю как помочь ему — прошептал я глядя в удивительно разумные глаза. Прошептал, не рассчитывая на какой-то ответ, просто мыслил вслух.

А ответ тут же пришел, словно сам собой. Это была картинка — я несу Сеню в лес. Потом ее сменила другая — лиарн небрежно бросает к моим ногам тушу какого-то копытного. От изумления я вскочил на ноги. Это была не просто игра воображения, не фантазия. Золотистые глаза по прежнему пристально смотрели на меня. Я наклонил голову и лиарн наклонил. Я поднял руку и вытянул вперед и лиарн грациозно поднял лапу, прикоснувшись ею к моей руке. Он повторяя мои движения как зеркало. Это был контакт.

— Ты понимаешь меня?

Лиарн наклонил голову, не отрывая взгляда от

меня.

Я растерялся, не зная что делать дальше.

— Ну, хорошо, тогда я пошел. Еще увидимся.

Я направился в сторону города, раздумывая о произошедшем. Говорят, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. В этом месте были другие правила и я внутренне согласился с ними. Мне было хорошо здесь. Прошлая жизнь, детдом, бедность, презрение окружающих или что еще обиднее их сочувствие, словно я прокаженный — все это лес смыл с меня. Разумные звери? Невозможно. И тем не менее... все происходящее довольно странно. Зачем цепляться за привычные рамки? Почему не попробовать сделать как подсказал лиарн? Он знает о лесе больше чем я.

В лагере я не стал задерживаться и прошел прямо к месту где мы пристроили Сеню. В центре города была площадь, та самая на которой я видел странное существо ночью, а рядом пирамидальное строение. Там мы и устроили лагерь. Сеня выглядел плохо, мне не понравилось, как заострились черты его лица и восковая бледность кожи. Таня была измученной и уставшей.

— Он умирает, Тимур. — прошептала она, увидев меня — Я ничего не могу для него сделать.

— Иди отдохни. Ты сделала достаточно.

— Но...

— Предоставь это мне.

Я осторожно подхватил безжизненное тело на руки. Сеня был легким, пугающе легким. Сколько он потерял в весе за эти два дня? Лихорадка выжгла его изнутри.

— Что ты делаешь? — Таня схватила меня за предплечье — Куда ты его тащишь? Его нельзя беспокоить!

Сеня заворочался и застонал, забормотав что-то непонятное.

— Это теперь моя проблема — резко ответил я — Ты можешь отдыхать.

Не слушая возражения, я зашагал к пролому в стене, через разваленные дома, переступая многочисленные камни. Первое, что я просил сделать это расчистить какие-то проходы, но не было заметно чтобы работа в лагере кипела. Ребята еле ползали по городу, иногда просто застывали на месте. Они провожали меня изумленными и непонимающими взглядами. Голод, страх, усталость делали свое дело. Я успел дойти до прохода, когда дорогу мне перегородило неожиданное препятствие. Огромная окровавленная туша не то лося не то чего-то похожего. Лиарн сдержал свое обещание и добыл нам еду.

Осторожно уложив Сеню на Землю я вытер пот со лба и повернул обратно в город поискать Андрея, чтобы поручить ему позаботиться о приготовлении мяса. Меня немного шатало, хотя

пронес Сеню я недолго, но день без еды сказывался. Андрей был недалеко, в месте где раньше находилась городская площадь. Он пытался заставить ребят разобрать камни и обломки загораживающие ее.

— Андрей, у входа лежит туша. Нужно чтобы вы как-то содрали с нее шкуру и разорвали на куски. Потом разведете огонь и зажарите.

— Туша? — Андрей захлопал глазами. Он не понял меня.

— Да. Убитый зверь. Вы освежете его и пожарите. У кого-то есть нож?

— Ну у меня есть.

— Отлично. Без ножа было бы сложнее.

— Еще у Ежа и Серого есть.

— Хорошо. Собери ребят и приступайте. Найдете на что насадить мясо?

— Что-то придумаем. А ты куда?

— У меня есть дела в лесу. Будь осторожен, все тут на грани. Скажи своим чтобы были начеку.

— Думаешь все настолько серьезно?

Я только кивнул. Отчаяние толкает людей на странные, а порой страшные поступки, кому как не мне понимать это. Но еда должна немного разрядить обстановку. Я успел пройти шагов пять, когда Андрей окликнул меня.

— Эй, погоди! Как ты смог убить этого зверя? Где ты вообще его нашел?

— Я расскажу тебе потом, позже.

Я подхватил Сеню и перешагнул через пролом в стене углубляясь в зеленоватый влажный сумрак. Пронести Сеню долго у меня не хватало сил, он стонал и метался. Менее чем через километр я опустил его на покрытую прелой листвой землю и присел рядом, тяжело дыша. Ничего не происходило. Прошли пять минут, десять. Усталость последних дней навалилась на меня, пригнула голову. Я задремал. Не знаю, что меня разбудило. От увиденной картины волосы на голове стали дыбом. Сеня, до этого находившийся в бессознательном состоянии сейчас сидел неестественно прямо. Глаза был пустыми и смотрели в какую-то одну точку за моим плечом. Я оглянулся. Он был там. Лиарн, но другой, не тот который приходил ко мне. Этот был поменьше и потоньше, немного другого цвета. В ту же секунду как я повернулся, он скрылся среди деревьев со сверхъестественной скоростью. Раздался глухой звук — Сеня упал. Я позвал его, потрусил, но он был без сознания, бледный и неподвижный настолько, что я принял его за мертвого, пока не смог нащупать пульс — слабый, но ровный.

— И что это должно означать? — мой голос прозвучал резко и хрипло и никто не ответил мне.

— К черту! — я резко встал и взвалил Сеню на плечи. Изменения дошли до меня только через

пару минут. Я облокотил Сеню о ствол и пощупал лоб, руки. Когда я нес его сюда он весь горел, температура зашкаливала за сорок. А сейчас был намного холоднее, и больше не стонал, не метался. Чтоб не сделали с ним лиарны или лес, это помогло. Пока я донес его до лагеря, вся одежда Сени промокла насквозь, пот тек с него градом, но жар падал. Я положил тело у стены и тяжело опустился рядом. Нужно было поесть. Уже стемнело и поэтому мое появление никто не заметил. Я поднял голову — сегодня луна была не полной, но все же ее света хватало, чтобы немного осветить окрестности разрушенного города. Как и в прошлый раз в лунных лучах кружились не то пылинки, не то пыльца. А может влага. Рядом не было никого, и никто не дежурил около пролома. Опрометчиво. Я взвалил Сеню и пошел вглубь города надеясь найти кого-то. Запах жаренного мяса достиг моих ноздрей- значит ребята смогли справиться с тушей. А потом я услышал крик. Всего один и очень слабый, но мне этого хватило. Я, не глядя, опустил Сеню, и побежал в сторону услышанного вскрика. Сердце заколотилось, от бешеного пульса окружающее мерцало в глазах. Я бы узнал этот голос из тысячи. Голос Али. Перепрыгивая через камни, продираясь через вьющиеся лианы, которые оплели некоторые развалины, я вылетел к более менее уцелевшему

дому. Под покосившуюся, полупровалившуюся крышу не попадал свет луны, но я видел отчетливо. Двое держали мою Алю. Держали грубо, причиняя боль, я слышал ее всхлипы.

— Говори, где он? Что задумал? Ты же знаешь, он все тебе рассказывает. Где он?

Не тратя время на слова, я просто отшвырнул сначала одного, а потом и другого. Я узнал их. Один был в компании с Самиром и с Сашей, но почему-то не сбежал с остальными. Может струсил. Второго, кажется, звали Леня. Я кинул их друг за дружкой в стену, уже потом с запозданием подумав, что она могла обвалиться от удара. Меня удивило, какие они были легкие. Я подошел поближе, чтобы продолжить, но эти выродки не бросились на меня. Они застыли у стены, открыв рты и в их глазах я прочитал невыразимый ужас.

— Нет, Тимур, не трогай их!

Маленькие руки обхватили меня сзади.

— С тобой все в порядке? Что они сделали? — процедил я сквозь зубы не поворачивая головы.

— Ничего, я просто испугалась. Ради Бога, Тимур, не трогай их!

Я повернул голову, чтобы убедиться, что с Алей все в порядке. Моя кровь казалось кипела в жилах, и стоило немалых усилий не свернуть шеи эти двум недоноскам. Но Аля почему-то ахнула и

отшатнулась от меня.

— Что случилось? Тебе плохо? Ты ранена? — я подскочил к ней, мигом забыв обо всем остальном.

— Твои глаза! — словно слепая, Аля протянула ко мне руки, а потом упала навзничь. В полном недоумении я подхватил ее. Возле стены уже никого не было — уроды сбежали, воспользовавшись ситуацией. Цветочек слабо пошевелилась и приподняла голову.

— Что такое? Поговори со мной! — Я быстро осмотрел ее, но не нашел никаких повреждений. Рукав рубашки порван, вот и все. Все это время Цветочек не отрывала глаз от моего лица.

— Ничего, все в порядке. Поставь меня пожалуйста.

Когда я бережно опустил ее на ноги, Аля присела прямо на пол и обхватила голову руками. Я опустился на корточки рядом.

— Аля, не пугай меня. Что то болит? Тебе плохо?

— Мне показалось... то есть я... Не знаю.

Я успокаивающе обнял тонкие плечи.

— Все хорошо. Расскажи мне что произошло?

— Мы жарили мясо. Все наелись. Я отошла немного в сторону чтобы... сходить в туалет. Они накинулись на меня, зажали рот и притащили сюда. Хотели знать, что ты задумал, почему ушел и унес

Сеню. Я этого не знала, ты ведь не подходил ко мне.

— Извини, что не предупредил, — Я убрал с ее личика локон и заправил за ухо — торопился. Сеня был совсем плох.

— Ему лучше?

— Да. Думаю он справится.

— А что ты сделал? Как помог ему?

— Сначала ты расскажи.

— Я все рассказала. Они угрожали мне, говорили — Аля не смогла продолжить и расплакалась.

— Ну-ну, все теперь хорошо — я убаюкивал ее одновременно думая, что должен был предусмотреть произошедшее. Страх и непонимание — именно с этого начинались охоты на ведьм в средние века. Отчего не попросил Андрея присмотреть за Цветочком?

— Почему никто не заметил как на тебя напали? Никто не искал тебя, не беспокоился.

— Ну... — Аля смутилась.

Я почувствовал новый прилив адреналина.

— Они видели??! Видели и ничего не сделали?

— Нет, все не так! Мне показалось, что пару человек повернули головы и смотрели в мою сторону, но было темновато, а может мне просто показалось.

— Подонки! Недоноски! Ублюдки! Никого из них не волнует ничего, кроме собственной драгоценной задницы! Я бы с радостью полюбовался, как они сами выкарабкиваются из всего этого дерьма!

— Тимур!

Я покачал головой. По большому счету, кого волнуют другие люди? Каждый сам за себя и выживает сильнейший, разве не это я вколачивал себе в голову с самого детства?

— Человек человеку волк. Я всегда это говорил.

— Нет. Не всегда так бывает.

Аля вдруг подняла голову и пристально посмотрела на меня.

— Я видела что-то что странное. С твоими глазами.

— И что же с ними было не так?

— Они светились.

— Что?

— Как у кота. Это было жутко.

— Просто игра света.

— Человеческие глаза не отражают свет таким образом.

— Считаешь, что я стал монстром?

Аля передернулась.

— Это не шутки. Я не знаю, что думать. Скажи мне, что с тобой произошло в лесу? Куда ты

носил Сеню? Все очень напуганы. Мы как будто в фильм ужасов попали.

— Все не так уж страшно. Я расскажу тебе, но сейчас нужно глянуть как там остальные. И Сеню я бросил в неподходящем месте, когда услышал твой крик.

— Значит ты не отрицаешь, что происходит что-то странное?

— Зачем отрицать очевидное? Странное, но не страшное. Скорее ободряющее.

— Почему ты так торопишься к остальным? Человек человеку волк. Ты сам так сказал.

— Хотел бы я знать.

— Просто на самом деле, ты так не думаешь!

— Черта с два! Да я бы своими руками их передавил. За эти два дня наша дружная компания успела меня достать. Сборище туповатых нытиков, за редкими исключениями. Просто так надо. Мне не оставляют выбора., я чувствую, что должен.

— Ты прирожденный лидер, Тимур. Когда перестанешь отрицать это?

— Лидер? Я? Ха, я не могу даже заставить их камни разгрести.

— Ты всегда руководил. С самого детства. Сам мне рассказывал, что был первым авторитетом для детдомовских.

— Все это в прошлом.

— Вот и нет. К кому они побежали, когда

были напуганы? Не к Андрею, а к тебе. Тебе стоит сказать пару резких слов и все послушно топают за тобой. Я не знаю как ты делаешь это. Ты просто, просто такой. Сам по себе. Сильный. И люди подчиняются твоей воле, потому что она сильнее.

Я рассмеялся.

— Как бы эти самые послушные люди не решили, что я их достал, и не попытались избавиться от меня. Ну все, пойдём.

Я помог Але подняться, и мы пошли к месту, где я оставил Сеню. Цветочек присела, бережно приложив руку к его лбу.

— Это удивительно! Лоб прохладный. Мне кажется у него нет температуры. И дышит он ровно.

Я склонился на неподвижном теле. В темноте нельзя было сказать выглядит Сеня лучше или хуже, но дыхание было легким, ровным. Температура действительно упала.

На центральной площади, где собрались остальные ребята, горел большой костер. Большинство моих сверстников спало, повалившись друг на дружку, но кое-кто болтал у костра. Двоих, что напали на Алю, я не увидел. Те, кто не спал, повскакивали на ноги при моем появлении. Я прошел между растерявшимися парнями и девушками, осторожно уместил Сеню возле костра, но так, чтобы искры не долетали до

него. Первой подскочила Таня.

— Что с ним? Что ты с ним сделал??!

— Он выздоравливает.

Таня недоверчиво уставилась на меня, потом быстро потрогала Сенин лоб, пощупала пульс. Все еще не веря, сорвала повязку с плеча раненного. На месте еще утром воспаленной раны было небольшое аккуратное отверстие от пули. Оно уже начало затягиваться.

— Этого не может быть. Не может быть!

— Поверь глазам своим.

— Как ты это сделал? Без антибиотиков, без антисептиков, без, без...без ничего! Это невозможно. Как? Я тебе не верю!

— Таня, успокойся! Сене лучше, и скоро он будет здоров — успокаивающе проговорила Аля.

— Здесь что-то не так. Тимур, что ты сделал? Продал душу дьяволу? — это прозвучало бы забавно, если бы Таня не щурилась так подозрительно.

По рядам уже пошел шепоток. Я понимал, что Таня устала и растерялась, но ее слова только разжигали подозрение и недоверие среди остальных, поэтому я предпочел закончить разговор грубо, но быстро.

— Предпочла бы чтоб он умер, чтоб почувствовать свою правоту?

— Нет! Нет, я... Я не могу... — Таня

вскочила на ноги и сорвалась с места. Где-то в стороне раздались ее сдавленные рыдания. Аля посмотрела на меня с укоризной. А я обвел глазами сгрудившихся вокруг ребят. Костер за моей спиной то вспыхивал, то угасал, блики огня играли на лицах, окружавших меня. Таких разных лицах, но с одинаковым выражением страха и загнанности на них.

— Не можете решить нападать ли первыми? — Презрительно процедил я, невзначай доставая нож.

— Леня и Макс рассказали что-то непонятное насчет тебя. — наконец один парень набрался смелости.

— Вот как?

— Они сказали, что ты совсем спятил. И что твои глаза, что они, ну короче, что ты наверно подцепил какую то инфекцию.

— Откуда нам знать, что ты не заразился какой-то гадостью в этом лесу?

— Или что ты это ты?

— А где же сейчас Коля и Макс? Я бы хотел поговорить с ними. Это ведь те гниды что напали на Алю? — вкрадчиво спросил я.

— Они ушли — наконец ответил кто-то растерянно.

— Ушли. Не потому ли что знали свою вину? А вы тоже хороши! Видели, как они тащили Алю,

чтобы издеваться над ней, и молчали. Поэтому теперь вы смотрите на меня с такой опаской?

— Что если и видели? Ты привел нас всех сюда. Ты говоришь, нужно тут оставаться. Но не логичнее ли поискать трассу, или хоть что то что выведет нас к людям? — Коля, типичный ботан, поправил на носу очки в конце своей речи.

— Ну и давай, ищи трассу, желаю удачи.

— Может ты псих, типа того, что принес ружье в школу и перестрелял всех своих одноклассников? Завел нас сюда... — подозрительно заявил Валик. Маленькие глазенки его постоянно бегали из стороны в сторону, и навевали мысли о подлости.

— Да зачем мне это? Кроме того, я что, пытаюсь кого-то убить? Пока вы тут дрыхли, можно было всех перерезать. Я же никого не держу — хотите искать дорогу домой — вперед, идите. Но не факт, что не сгинете в лесу.

— А Сеня? Его ты унес куда то! Зачем?

— Сеня выздоравливает, я его не убивал. Не верите — подойдите и сами убедитесь. Теперь я повторю вопрос, почему никто из вас не помешал издеваться над Алей?

— Да кто над ней издевался? Парни хотели просто узнать, что ты задумал! — Мерешка, настолько белобрысый что казалось у него нет ни бровей ни волос, был и оставался гнилью.

— И поэтому выкручивали ей руки?

— Так этого ж никто не видел!

— Я не видел. — поддержали его из толпы.

— И я не видела!

— Это неправда!

— Да я бы никогда!

— Хватит! — рявкнул я. Хоть я ничего не ел но меня мутило.

— Я не буду выяснять кто из вас сейчас врет и не стану искать подонков, которые сбежали. Если бы Аля пострадала — они не дожили бы до утра, но с ней все хорошо. Если вы ведете себя как свиньи, то сами же сдохнете из-за своего поведения, если только не поумнеете. Нам нужно держаться вместе, страховать друг друга, чтобы выжить. Кругом лес! Нам некому помочь, кроме нас самих! А если мы перегрыземся между собой, то что будет? Сначала кто-то захочет получить чужую девушку, потом чужой кусок еды, потом понравившуюся одежду. Если не придерживаться каких-то правил, мы сами погубим себя.

В пустых глазах смотревших на меня отражался свет костра. Я не знал, доходят ли мои слова до них.

— Какого черта! — я безнадежно махнул рукой. Они понимали только язык силы.

— Вместо того, чтобы наблюдать за мной, лучше бы присмотрели друг за другом. Я не вижу

нескольких человек. Катю, Карася, Гешу. Ищите среди спящих.

Я прошел через толпу окруживших меня подростков, как нож через масло. Андрея нашел не сразу, он спал в стороне с группкой своих ребят. Я пнул его ногой, не особо церемонясь и соратник недоуменно поморгал, глядя на меня сонными глазами.

— Я ведь просил присмотреть за нашими. А ты залег спать, да еще не оставил никого дежурить? Какого хрена, Андрей?

Не дожидаясь ответа я стал переворачивать и пересчитывать спящих. Сонное бормотание наполнило воздух. Андрей пустился за мной следом.

— Прости Тимур. Сморило меня. Нажрался и глаза сами закрылись. Виноват, брат.

— Я не досчитался троих. Где они могут быть?

Андрей недоуменно пожал плечами, и я выругался. Живот подвело от голода. Возле костра оставалось немного мяса. Туша была огромной, а народ подъял все пости подчистую, никто не подумал о завтраке. Я уселся у костра и взял ветку с насаженными на нее кусками. Мясо было жестким, но вкусным, я жадно рвал зубами неподатливую мякоть, размышляя над пропажей ребят. Исчезли те самые, которые с утра показались мне странно

притихшими и задумчивыми, это не могло быть просто случайностью. Андрей подошел ко мне, за его спиной сбились в группу остальные.

— Не можем их найти. Но пару человек видели вроде, как Геша в сторону пролома в стене потопал. Его звали, но он не откликнулся. Подумали, что ему приспичило, ну ты понял.

— Я понял, что вы до сих пор думаете, что мы дома. Хорошо. Сейчас поздно их искать, пойдем как рассветет. Все могут спать, кроме дежурных.

Андрей кивнул.

Аля тихо подсела ко мне.

— Думаешь с ними что-то случилось? — прошептала она. Свет костра отражался в огромных глазах, играл в волосах рыжими бликами.

— Случилось. Вопрос только — хорошее или плохое.

— Поделись со мной, Тимур. Что происходит?

— Есть кое-что в этом лесу. Вернее кое-кто. Это звери. Животные. Я никогда таких не видел.

— И что же, они опасны?

— Понимаю, что это прозвучит как бред, но мне кажется они разумны. Они хотят чего-то от нас, но чего? Пока, вроде, решили нам помогать.

— Помогать?

— Один из них вылечил Сеню. А другой достал еду. С ними можно говорить, только мысленно.

— Тимур, это очень странно.

— Да уж.

Мы помолчали. Я догрыз свое мясо и понял, что веки слипаются сами собой.

— А знаешь — неожиданно сказала Аля, когда я уже совсем решил завалиться спать — я видела каких-то животных во сне. Расскажи мне, как выглядели те, что ты видел?

— Большие. Красивые. Размером с лошадь, но лапы как у льва. Морда вытянутая, клыки просто жуткие, и желтые глаза. Тяжело описать. Они не похожи ни на каких других зверей, что я видел раньше.

Аля задумчиво смотрела на меня.

— Что? — не выдержал я.

— Я видела их. Во сне.

* * *

На высоком утесе над морем расположилась крепость. Желтели ее освещенные окна и фонари на стенах, с тихим плеском волны внизу разбивались о камни. Успокаивающий звук, но Самир не чувствовал покоя. Он небрежно облокотился о каменную балюстраду, глядя в черноту безлунной ночи, и соленый морской бриз трепал пряди светлых волос.

— Это может стать проблемой.

Коренастый человек средних лет с аккуратной бородой и длинными, до плеч, волосами, пожал плечами.

— Стоит ли переживать из-за такой мелочи. Сколько их? Пятьдесят? Шестьдесят? Разве это сила?

— Старый Аршас говорит каждый из призванных стоит десятерых.

— Он давно помешался.

— Возможно, но пока его советы были кстати.

— Самир, у нас нет доказательств, что призвание существует. Все это старые легенды. Просто сказки, из тех, что мамы рассказывают детишкам на ночь.

Горькая усмешка исказила идеально правильные черты лица Самира.

— У меня есть слишком много причин относиться к сказкам серьезно, Тариш.

— Расскажи в конце концов кто эти таинственные наблюдатели, к которым ты так часто ходишь? Разве они не могут ошибиться?

— Нет, они не ошиблись. И Аршас не ошибся.

— Ты загадочен. Появился у нас внезапно, за пару лет смог сосредоточить в своих руках всю власть. В очень молодых руках, не в обиду будь сказано.

— Какое это имеет значение? Главное, я знаю что делаю.

— Как скажешь.

Самир снова обратился к темной, отражающей звезды, воде.

— Меня беспокоит это девчонка. Я вижу ее слишком часто, она путает все мои планы. Не могу понять, кто она такая.

Беспокойные пальцы нашли на стене камешек и Самир запустил его в воду. Через какое то время донесся всплеск.

— Поговори о ней с Аршасом. Может старый маразматик скажет что-то дельное. А может это всего лишь сны.

— Уже поговорил. Он в недоумении, как и я.

— У каждого свои демоны, Самир. Выпей-ка лучше вина, поешь как следует, пригласи парочку красоток. Увидишь, твои видения как рукой снимет.

Самир покачал головой.

— Ты неисправим Тариш. Быть таким непробиваемым материалистом в мире, где возможны самые невероятные вещи.

— Что такое материалист? Это что, такое ругательство?

— Иди спать. Я еще постою немного.

Тариш открыл рот чтобы что-то сказать. Но потом передумал и сбежал вниз по лестнице. Какое-то время в ночной тишине еще звучали его гулкие шаги, потом все затихло.

Самир уперся руками о каменный бортик.

Казалось, его глаза вобрали в себя окружающую тьму.

— Если ты все таки добрался сюда, Тимур, придется играть по моим правилам.

Под убаюкивающий шум волн Самир стал вспоминать, как он впервые попал в лес.

Лес притягивал и манил и он имел глупость поддаться. Откуда было знать, что это ловушка, мышеловка для таких дураков как он! Дыхание со свистом вырывалось из груди, легкие горели, одежда взмокла от пота, но Самир и не думал останавливаться, подгоняя себя вперед.

Уже несколько недель он чувствовал странное притяжение леса, видел сны, реалистичные до жути. Держался, сколько мог, но однажды вечером, после школы, притяжение стало невыносимым, ноги сами понесли к лесу. «Ну что такого ужасного, если я схожу и посмотрю...», подумал Самир тогда.

«Может тогда вся эта ерунда прекратиться, или я хотя бы пойму почему со мной такое происходит». Он пришел в себя, когда вокруг была чаща, густая, мрачная, и понял что оказался далеко от дома. Сначала решил что заблудился, стал искать дорогу назад. Но потом понял что этот лес — порождение кошмаров. Из него невозможно выбраться. Лес шумел, шептал, проникал в его голову.

— Что тебе нужно! Чего ты хочешь от меня? — закричал в конце концов Самир, измученный собственным страхом и блужданиями. И тогда появилось «это» — жуткое существо, величиной с быка, с огромными когтистыми лапами и клыками на длинной морде. Самир застыл на месте, ожидая мучительного конца, когда тварь кинется на него. Он только надеялся, что зверь убьет его быстро. Но животное почему-то не торопилось, шевелило ушами с кисточками, глядя то одним то другим желтым глазом.

— Ну давай! Чего тянешь? — прокричал Самир. Убегать смысла не было, с такими длинными лапами тварь догонит его в два счета.

Но зверь все стоял и стоял, и Самир невольно ответил на внимательный взгляд.

Тогда он тчетливо ощутил, как что-то заползает в голову и побежал, наполненный таким ужасом, которого не испытывал еще никогда в своей жизни.

Лес давил, протягивал корни и ветки, пытался проникнуть в мозг, изменить его, превратить во что-то неведомое. «Это не может быть реальностью, ведь в жизни такие вещи просто не происходят, так не бывает, не бывает» — упрямо повторял про себя Самир, сопротивляясь воздействию.

Сил бежать больше не было и Самир

остановился. Зверь не гнался за ним, но давление леса было чудовищным.

— Нужно выбраться отсюда. Выйти из этого дьявольского места, чем бы оно ни было.

Самир закрыл глаза и заставил себя успокоиться, перестать паниковать.

Лес не может продолжаться вечно, верно? Нужно идти вперед.

Шаг за шагом, шаг за шагом. Чтобы не поддаваться страху Самир представлял себе как редет лес, как он выходит из него и любуется солнцем на голубом небе, которое невозможно увидеть под густым лесным шатром.

Он так сосредоточился на этом, что не заметил как лес и правда поредел. Впереди виднелось обширное, поросшее травой и полевыми цветами поле.

Самир отошел от леса на пару километров и только после этого позволил себе упасть.

Сколько он пролежал без сознания? Когда Самир открыл глаза солнца еще не было, только край неба наливался нежно — оранжевым, розоватым и белым. Все тело ломило, а одежда промокла от росы. Во рту было сухо, бил озноб.

Сзади виднелась темная полоса деревьев, поэтому Самир встал и пошатываясь побрел вперед, через благоухающий цветами луг. Кроме щебетания птиц и гудения насекомых не было слышно

никаких звуков и эта непривычная тишина действовала на нервы.

Луг оказывается находился на вершине холма, и пройдя его Самир увидел череду таких же холмов, уходящую вперед. Кое где виднелись рощицы деревьев. Нигде никаких признаков людей.

Страшно хотелось пить, и Самир догадался собрать росу собственной футболкой. Он водил тканью по траве, пока футболка не намокала и потом выжимал прямо в рот.

Ему не оставалось ничего другого, как просто идти вперед, пока не встретится жилье, или дорога. Там можно будет просить о помощи.

Он шел весь день, оставив череду холмов позади, и вышел на более ровную местность. Далеко впереди виднелись горы, а километрах в десяти тянулась неасфальтированная проселочная дорога.

Самир переночевал в роще и шатаясь от голода и усталости побрел вдоль дороги. Ночью было холодно, а сейчас прогретый солнцем воздух струйками поднимался от земли. Ноги заплетались, и в конце концов Самир упал, прижавшись щекой к горячей пыли.

— Надо хотя бы отползти в тень — подумал он, но сил шевелиться уже не было.

Его внимание привлек слабый гул и он поднял голову. По дороге, тарыхтя и трусясь тащи­лась

повозка, которую тянула понунив голову лошадь.

Сначала решил, что ему напекло голову, или от голода и жажды он бредит. Но повозка не исчезала, постепенно приближаясь. Самир нашел в себе силы сесть.

Лошадью правил крепкий мужик, крестьянского вида, с глубокими морщинами на загорелом лице и добрыми серыми глазами. Он остановил повозку рядом с Самиром и что-то спросил, но Самир не мог понять что.

— Я заблудился. Мне нужно найти телефон — сказал он — Я хожу тут уже почти три дня.

Из — за спины мужчины выглянула женщина, румяная, в платке, повязанном на подобии тюрбана. Она сочувственно покачала головой и быстро заговорила с мужем. Тот пожал плечами и стал что-то говорить Самире, маня его рукой и похлопывая по повозке. Видимо, приглашал ехать с ним. Самир не мог понять, что происходит и почему эти люди несут тарабарщину вместо понятной речи, но оставаться на пустынной дороге означало умереть от голода.

Он с трудом заставил себя встать и забраться в повозку.

Женщина улыбнулась и протянула ему бутылку с водой и кусок хлеба, ободряюще что-то говоря.

Через пару часов их телега добралась до деревни.

Вот тогда-то он и понял что вляпался.

Не было телефонов, не было телевизоров, в этой деревне вообще ничего не было. Люди жившие там занимались фермерством, пользуясь при этом самыми примитивными инструментами, и не понимали ни слова из того, что Самир им говорил. Сначала Самир решил что попал к сектантам, он слышал что есть такие фанатики, они живут не пользуясь благами цивилизации и все необходимое добывают себе сами, выращивают зерно и овощи, держат скот, ткут одежду.

Тогда он решил идти дальше, все еще надеясь найти что-то знакомое для себя. Но находил только миллион отличий — прямоугольной формы дома с плоскими крышами, на которых семьи отдыхали вечерами, и окнами не из стекла, незнакомые материалы из которых делали инструменты, неизвестные ярко фиолетовые фрукты овальной формы с сочной мякотью. Даже хлеб был на вкус каким-то не таким. Каждый вечер он убеждал себя, что спит, или бредит, и когда откроет глаза обнаружит себя дома, а может на больничной койке. Но утро не приносило перемен. Самир уставал, от непривычных нагрузок все тело болело, хотелось есть и пить. Когда заканчивалась еда, он заходил в деревни и обменивал там свой труд на питание. Местные дети, с лукавыми глазами и босыми ногами научили его паре слов на новом

языке. Его называли «заример», что означало нечто среднее между умалишенным и нищим бродягой, как он узнал позже. У людей было принято не обижать таких бедолаг, с которыми и так жестоко обошлась жизнь. Кто-то просто не обращал на него внимания, кто-то проходил мимо с презрением и отвращением, но всегда находились такие, кто помогал. Деревни становились крупнее и богаче и Самир впервые увидел странные белые кристаллы, которые использовали для освещения, в качестве украшений, и даже как денежный эквивалент. Их называли «вениры» и очень ими дорожили.

Через неделю пути показался город, обнесенный высокой стеной, сделанной из огромных многотонных цельных каменных блоков. В город вели охраняемые ворота. Самир не знал, захотят ли пропустить такого бродягу, как он, поэтому заранее спрятался в телеге груженной зерном.

Когда его ноги ступили на мощеную широкими плитами улицу, стало ясно, что больше нельзя убеждать себя в нереальности происходящего.

Вокруг бурлила жизнь, и он собирался стать ее частью, но не в виде жалкого сумасшедшего.

Самир усмехнулся. Ему было чем гордиться. Прodelать путь от бродяги до управляющего — совсем неплохо! И этим он обязан не только удаче,

но и собственной находчивости и изворотливости, а также уму.

Город в который он попал после бегства из леса и долгих блужданий назывался Альвениром, что переводилось «Белый кристалл».

Вениры — кристаллы, которые покупали у специальных торговцев, а те, в свою очередь доставали их, совершая рискованные путешествии к горам, где находился город Картар. Там, из глубоких горных шахт и добывали вениры. Кристаллы были для горожан символом богатства и успеха. Их использовали для освещения улиц и домов, для нагревания воды, даже для глажки белья. Если кристалл делили на несколько частей, то каждая из них притягивалась к другой как магнит, и со временем они вновь срастались в единое целое. А если им не давали это сделать, то осколки начинали светиться, одновременно нагреваясь. Используя это свойство вениров, местные жители освещали вечером дома и улицы, использовали их в качестве нагревательных приборов. Самир же открыл еще одно свойство этих минералов, весьма разрушительное, но не торопился рассказывать про это. Он любил иметь в рукаве пару-тройку козырей.

Самир старательно учил язык, и уже через пару недель смог наняться в какую то таверну —

мыть полы, выносить мусор, оттирать кастрюли и казаны. Это давало крышу над головой и еду, уже что-то. Затем ему удалось наняться солдатом в войска союза городов. Ну а попав в казармы он стал быстро карабкаться вверх.

Когда он смог занять прочное положение в Альвенире сразу же начал разбираться что же все-таки произошло, как он попал в это место, чем является на самом деле лес, так его напугавший, и главное — как попасть домой. Тогда то он и подобрал старого Аршаса, который хоть и был безумцем, зато знал много всего. Самир подозревал что старик свихнулся как раз оттого что узнал слишком многое. Аршаса сторонились и даже боялись, потому что он любил поговорить о пограничных лесах, а данная тема для жителей союза городов была запретной. Первое время Самир думал, что напрасно тратит свое время — Аршас городил полную несуразицу. Но со временем он научился относиться серьезно к любой информации, даже самой невероятной на первый взгляд. Разве то, что он попал в совершенно незнакомый мир не было уже нарушением всех привычных Самиру норм и догматов? Значит и другие даже самые неправдоподобные вещи тоже могли происходить. Вытягивать из этой ходячей мумии полезные сведения было тяжело, но оно того стоило. Поняв какого рода информация интересует

Самира, старик, счастливый что его болтовне наконец кто-то верит, передал Самире некий прибор, выглядевший как небольшая пирамида с прихотливыми завитушками. Использовать маленькую, но тяжелую пирамидку можно было только в лесу.

Где старик достал ее, как узнал для чего она нужна — этого Самир так и не смог от него добиться. Аршас только кашлял и хихикал, потирая руки, да городил всякую бессмыслицу. Жители Альвенира и четырех городов, объединенных в союз, боялись пограничных лесов как огня. Любое упоминание про эти территории вызывало у них суеверный ужас. Кроме того, наука и техника не достигала настолько высокого уровня, чтобы создать прибор, принцип работы которого был непонятен Самире.

Вершина их достижений — устройство для нагревания основанное на свойствах белого кристалла. Из этого можно было смело заключить что пирамида — не их рук дело. В тот момент, когда пирамидка засветилась, раскрывшись как цветок, Самир понял, что мир в который он попал был очень прост на первый взгляд, но хранил множество секретов.

* * *

Мы нашли их. Они не успели уйти далеко. Двое парней и одна девушка, Катя, Карась и Геша. Все без сознания, но без всяких признаков ранений и болезни. Таня только руками развела.

— Я ничего не могу сказать. Я ведь не врач.

Мы уложили их и оставили с Таней. Она не имела ничего против своего нового занятия.

Напряжение в лагере росло. Я смог заставить ребят кое-как привести в порядок наше новое жилище, носить воду, готовить еду, однако это не помогло убрать шепоток за моей спиной. Коля и Макс не появились. Не могу сказать что скучал по ним, тем не менее чувствовал, что любое убавление нашего числа плохо. Мне нужно было держать всех вместе, это навязчивое ощущение было подобно зову, что манил раньше в лес. Были и приятные моменты — Сеня пришел в себя и чувствовал себя отлично. Его не расстроил рассказ о нашем незавидном положении. Он выглядел счастливым человеком, чей искренний энтузиазм и сияющее лицо резко контрастировали со злыми, уставшими обитателями древнего города.

Сегодня, наведя относительный порядок в лагере, и дав всем работу, я ушел с лес поискать съедобные плоды, или что-то наподобие. Нельзя было питаться одним только мясом. Алю на этот раз взял с собой. Пройдя примерно полкилометра от лагеря, я почувствовал, как расслабляется каждая

клеточка тела. В лесу было спокойно, в лагере же я то и дело ожидал удара в спину, потому что, по непонятной причине, мои сверстники решили во всех бедах винить меня. Интересно, что идти искать дорогу к цивилизации никто не хотел, боялись, ну а каждый день напоминать, что я привел их в эту дыру и держу тут — это пожалуйста.

— Ты ничего не ощущаешь? Лес не зовет тебя больше? — обратился я через какое то время к Але.

— Есть какое-то напряжение. Но я не могу пока разобраться с этим.

— Тебя все это не пугает? — я оторвал кусок мясистого листа от растения и осторожно положил на язык, пытаюсь понять съедобно ли оно.

— Что все?

— Вся ситуация.

— Это очень, как бы сказать, неправдоподобно. Я до сих пор не могу поверить, но уже не боюсь. Раньше страх был, но теперь, мне кажется что мы тут нужны. Для чего-то.

— Я тоже так считаю.

Мы остановились и взявшись за руки какое-то время слушали лес. Потом я повернулся к Цветочку и поцеловал. В лагерь мы вернулись только вечером, и нас ждал сюрприз.

— Тимур! Где черт возьми ты пропадал?

Андрей ждал меня у пролома. Возбужденный и взъерошенный.

— Приперся Саша со всей своей компанией. Прикинь? Принесла же их нелегкая, а?

— Саша? Удивительно. Я думал они остались в городе тогда.

— Он рассказал, что какое-то время они отсиживались в пустых домах города, пытались понять, куда все делись. Эти странные агенты выслеживали их. А потом город просто исчез. Растворился, и они оказались в лесу. Через день смогли найти нас.

— Ну что ж, не выгонять же их обратно.

— Они принесут на уйму неприятностей. Саша уже ведет себя тут как хозяин. У них есть ножи и веревки и они чувствуют себя крутыми парнями.

— Они?

— Ну да. Саша приперся со всем своим козлом.

— Выбирай выражения, тут Аля. — прервал я Андрея. Он шутовски поклонился Цветочку.

— Пардон!

— Хватит паясничать. Пойдем, поговорим с новоприбывшими. Цветочек, ты лучше подожди меня.

Аля закатила глаза.

— Мальчики и их разборки.

Саша развалившись у огня уминал раздобытое мной мясо. Рядом пристроились еще человек шесть.

— Привет — я сел рядом.

— Здоров — Саша окинул меня наглым взглядом — Неплохо устроились.

Я сдвинул брови.

— И ты времени не терял — продолжил Саша игнорируя мою молчаливую угрозу — сразу захапал все в свои лапы с помощью сиротской братии. Молодца!

— Я просто делал то, что должен был. И впредь собираюсь так поступать.

Саша хрюкнул и чуть не подавился костью.

— Да ты чо, Тимур? Так заговорил, как по-писаному, а раньше был попроще. Власть портит людей.

Сидящие рядом с готовностью заржали, но быстро скисли, когда я посмотрел на них.

— Сейчас можете закончить есть, после я скажу чем вы будете заниматься.

Саша вскочил на ноги, роняя остатки мяса.

— Не гони, мразь детдомовская! Мне твои указки не нужны.

Я пожал плечами.

— Здесь остаются только те, кто согласен с простым правилом — хочешь есть, будешь работать. Не нравится — уходите откуда пришли.

Саша выхватил нож и стал нервно крутить его в руке, но увидев что ко мне подошли Андрей с Ежом и Серым передумал затевать потасовку и

злобно сопя убрался с площади вместе с единомышленниками.

— Прирезать его и дело с концом — сплюнул Еж.

— А ведь он прав — поддержал Андрей.

— Всех недовольных резать — так никого и не останется — буркнул я, в глубине души вполне согласный с ними — Подождем пока.

* * *

Под кустистыми седыми бровями, глаза старика, выцветшие от времени, слезились, а голова тряслась. Седые космы уныло свисали почти до плеч. Он был сгорбленным и сморщенным, и его длинное одеяние волочилось за ним по полу. Привычка постоянно хихикать только усугубляла острое впечатление, что этот человек давно уже не в своем уме.

Посмеиваясь и напевая что-то под нос, Аршас чертил дрожащими руками на листе бумаги, но перо не оставляло после себя ни малейшего следа. Лампа на столе плевалась и шипела. Самир поднявбровь наблюдал за действиями сумасшедшего. Он пытался добиться чего-то от старого маразматика уже полчаса и его терпение было на исходе. Наконец, не выдержав, вскочил на ноги и нервно зашагал по захлавленной самыми

невероятными вещами комнате.

— Тебе нужно поучиться терпению, мой юный господин — посмеиваясь заметил старик.

— То, что ты до сих пор жив доказывает, что его у меня хватает — голос Самира звучал невозмутимо, но челюсти напряглись так сильно, что под кожей заходили желваки. Небрежно он протянул руку и достал с полки переливающийся всеми цветами радуги шар, покрытый толстым слоем пыли. Там же на полке кроме огромных фолиантов с золотыми переплетами стояло чучело крошечного существа с большими грустными глазами, банка с заспиртованными червями и спиральной формы железка, покрытая прихотливо изгибающимися тисненными узорами.

— Я не знаю, чем помочь тебе. Никогда не сталкивался с таким раньше — Аршас снова захихикал и послунял свое перо — Но ничего не происходит просто так. Если ты часто видишь эту девушку и чувствуешь вашу связь, то попробуй просто позвать ее. У нее все и спросишь.

Самир отшвырнул шар, подняв целый столп пыли и снова подсел к старику.

— И ты считаешь сработает?

— Откуда же мне знать, господин, хи-хи-хи, я просто старый свихнувшийся старик.

Самир в сердцах стукнул по столу.

— Не понимаю, почему я держу тебя тут и

кормлю, если от тебя нет никакого толку! И не называй меня господином!

Он встал и толкнул тяжелую кованную дверь.

— Не горячись, мой юный господин, я тебе полезен, и ты это понимаешь, хехехехе — старик захихикал а потом закашлялся.

— Чтоб ты сдох, старый осел — пробормотал Самир под нос на родном языке, уже закрыв за собой двери. Он поднялся по лестнице, прошел по коридору и оказался в просторной комнате. Дом, в котором поселился Самир был очень старым и принадлежал когда-то человеку, считавшему себя колдуном. Поэтому на красивом вымощенном плиткой полу красовалась огромная пентаграмма прямо посреди комнаты, а все остальное место занимали более чем странные картинки с пирамидами, людьми в длинных одеяниях, удивительными существами. Кроме камина больше в комнате ничего не было. Самир мало времени проводил дома и обставил мебелью только спальню и столовую. Но он любил бывать в этом зале. Иногда Самир садился возле пентаграммы на пол, чтобы посмотреть на пламя в камине и обдумать какую-либо проблему. Но сейчас его настроение было далеко от созерцательного. Он в раздражении пнул стену и заходил по комнате.

— Чертовый мирок! Как же ты мне надоел! Эти бесконечные суеверия, отсутствие

электричества и обыкновенных удобств!

Он остановился на пентаграмме и невесело усмехнулся. Ирония была в том, что и колдовства в этом месте он не встречал. Никаких колдунов, ведьм, магов и прочей волшебной братии. И никто не верил в ворожбу и чары. Кроме фанатичной приверженности различным приметам жители Альвенира отличались прагматичностью и трезвым взглядом на мир. А человека, что жил в этом доме считали ненормальным, как и старика Аршаса.

Самир устал метаться по комнате и облокотился на камин.

— Как же я хочу домой — тоскливо пробормотал он, глядя на огонь — Хочу домой...

Постепенно его веки отяжелели и он задремал привалившись спиной с теплой каминной доске. Находясь в странном состоянии между сном и явью Самир снова увидел девушку, которая так волновала его. Она сидела у окна и смотрела на свечу. Лицо, освещенное слабым мерцающим огоньком было печальным, а темные глаза неправдоподобно огромными, словно два колодца с черной водой, два провала в иные миры. Они завораживали.

— Опять ты. Ну зачем мучаешь меня? Чего тебе надо? — раздраженно спросил Самир.

Девушка вдруг поднял глаза и посмотрела

прямо на Самира. Ее рот приоткрылся от удивления. Она видела его, в этом Самир мог поручиться. На минуту видение вдруг продернулось рябью, исчезло, но потом возникло снова, на этот раз невероятно четкое. Словно они в одной комнате и стоит протянуть руку он коснется темных волос незнакомки. И Самир протянул. Он потянулся к девушке.

— Иди ко мне. Иди и расскажи что тебе нужно.

Что-то произошло, но Самир мог объяснить что именно. Через секунду его видение стояло рядом с ним. От неожиданности он отшатнулся и ударился спиной об угол камина.

Красивая стройная девушка, чуть выше среднего роста, лет восемнадцати на вид Огромные миндалевидные темные глаза, как у перепуганной лани. Волосы шелковистой копной струились по плечам, длинные, почти до талии. И она была одета... в ночную рубашку?!!

* * *

В голове на пару секунд помутнело, а затем я оказалась прямо перед печальным блондином из моих видений.

Я узнала тонкие породистые черты лица, зеленые глаза, светлые волосы, но выглядел парень

не печальным, а скорее изумленным.

От неожиданности застыла на месте, боясь шевельнуться, а блондин отшатнулся, будто я была привидением. Впрочем удивление на лице незнакомца стремительно сменялось любопытством. Вот он оттолкнулся от стены, выпрямился, и, склонив голову, стал пристально меня разглядывать. Просто так ел меня глазами, даже стало как-то не по себе, и осознание, что я одета в коротенькую ночную рубашечку с глубоким декольте, дело не облегчало.

— Привет — нервно сказала я, оглядываясь по сторонам. Вокруг была огромная пустая комната, освещенная только пламенем камина, возле которого мы стояли. А на полу что-то странное. Это что пентаграмма? Ну да, так и есть, она.

— Неимоверно — выдавил наконец блондин. Он подошел поближе и протянул палец, намереваясь им в меня потыкать. Я на всякий случай сделала шаг назад, и он опустил руку. Незнакомец был очень высок, и сейчас чуть наклонился, чтобы лучше меня разглядеть.

— Ты настоящая — констатировал он в конце концов.

— Ты тоже.

Он прищурился.

— Не понял.

— Ты тоже настоящий. Или нет? У меня

галлюцинация?

Я пощипала себя за руку, но ничего не изменилось — комната, камин, пентаграмма и высоченный светловолосый незнакомец, поедавший меня глазами.

— Ээээ... Ты не мог бы перестать пялиться? Мне неловко.

— Хм... Извини. Надо же, совет старого придурка пришелся кстати. Итак, ты здесь и можешь сказать, что хочешь от меня.

Я нервно рассмеялась. Совет старого придурка? Это о ком?

— Вот так сразу? Так неприято!

Он неуверенно улыбнулся.

— Будем соблюдать этикет? Но тогда ты должна была договориться о нашей встрече заранее, а не появляться среди ночи. Как ты попала сюда?

— Понятия не имею. А куда сюда?

— Не знаешь где ты?

— Ну, в комнате, вроде, с пентаграммой.

— Ты пришла ко мне — констатировал незнакомец.

Спасибо, капитан очевидность.

На минуту повисло молчание, я не знала что сказать.

— Зачем? — еще раз спросил он.

— Я не знаю — ответила я честно.

— Не верю.

Я опешила.

— Это правда.

Блондин смотрел на меня испытывающим взглядом.

— Я видел тебя, ты мне снилась. Часто. Как ты провернула такой трюк?

— Эй, я ничего не делала!

— Не нужно лжи. Расскажи мне.

— Я не вру!

— Мне было бы очень полезно знать, как ты это сделала- вкрадчиво проговорил он — Что ты хочешь за эти сведения?

Я начинала злиться.

— Я ничего не делала. Все вышло случайно, и механизма происходящего я не знаю!

— А от меня тебе чего надо?

— Да ничего мне не надо!

— Тогда возвращайся.

— Куда вернуться?

— Туда, откуда пришла, конечно же.

Я закрыла глаза и представила себе больничную палату. Ничего не произошло. Ну ладно, не очень-то и хотелось. Здесь все же интереснее чем в дурдоме.

— Не могу. И не хочу, если честно.

Видимо он решил мне поверить, или сделать вид что поверил.

— «Чого являєшся мені у сні?» — Впросил он задумчиво.

— Хм... любишь поэзию? Франко?

— Говорят, моя мама любила. Кто ты?

— Я Сара. Живу в Киеве. Учусь в 11 классе. То есть училась, пока меня не засунули в больницу. Неважно. Я тоже видела тебя и решила, что у меня крыша едет!

— Отлично! — Парень метнул в меня пламенный взгляд и зашагал по комнате. Потом друг порывисто схватил меня за плечи.

— Ты можешь вернуть меня домой?

— Домой? — осторожно переспросила я. Может он ненормальный? А с психами нужно говорить очень мягко и ласково. Этому я в больнице научилась. Или я очень и очень серьезно заболела. Черт, мне нравилось думать что у меня нет галлюцинаций.

— Домой, на Землю! — он трухнул меня еще разок.

— На Землю? А мы сейчас, собственно, где? На Марсе?

— О, черт, черт, черт! — блондин отпусти мои плечи и снова забегал по комнате.

Я устала стоять, и вообще на меня вдруг навалилась страшная слабость. Чтобы не упасть, я присела на пол перед камином. Пол был холодным. Перед глазами вдруг закружились черные точки.

Странно, я никогда не теряла раньше сознание.

— Эй! Эй, как там тебя? Сара! Сара, что с тобой? — донесся голос, словно через вату. Комната повернулась под странным углом. Ой, да это не комната. Это я, кажется, падаю. Но удара не почувствовала. Было смутное ощущение, что меня несут, а потом провал.

Когда я пришла в себя, то обнаружила, что лежу в кровати. Очень необычной кровати. И обстановка в комнате непривычная.

— Тебе уже лучше? Я принес еды. И воды. Или, может хочешь чего-то покрепче? Вина?

Блондин стоял возле кровати и выглядел обеспокоенным.

— Прости, если напугал тебя. Меня зовут Самир.

— Самир. Интересное имя.

— Сара тоже не совсем обычное имя.

— Родители увлекались иудаизмом одно время.

Самир поставил передо мной поднос и присел на кровать.

— Понимаешь, Сара, я в этом месте уже два года. До смерти хочу домой. Я надеялся, раз ты смогла попасть сюда то и обратно сможешь, но видимо зря. Поешь что-нибудь. Ты выглядишь бледной.

Нервный смешок вырвался сам собой.

— Ты заботлив, как моя бабушка!

— А у тебя острый язычок. Просто пытаюсь исправиться и проявить гостеприимство.

Я осмотрелась вокруг. Просторная квадратная комната, деревянная кровать, на которой я сидела, несколько кресел. Ничего сверхъестественного, тем не менее обстановка выглядела непривычно и чужеродно. Например, вместо шкафа прямо в стене были сделаны ниши и полки.

— Так я попала в другой мир? Альтернативную реальность? Третье измерение? Параллельную вселенную?

Самир усмехнулся.

— Подкована в таких вопросах, я смотрю. Любишь фантастику? Впрочем, ответ один: а хрен его знает.

— Ты не знаешь? Как же так?

— Я понятия не имею. Да мне все равно, если честно. Все, что я хочу, это попасть обратно.

— Понятно.

— Теперь и ты застряла. Но я страшно рад увидеть кого-то оттуда. Из дома. Расскажешь о себе?

— Ладно. Но сначала ты.

Мы проговорили почти пол ночи, что было просто удивительно для меня. Обычно я не слишком общительна, но с Самиром было легко. Он не воспринимал меня, как странную девочку,

потому что сам был странным, и мы с ним находились в странном месте. Он рассказал мне, что жил в маленьком городке в России. Родители Самира умерли, когда он был еще маленьким и его воспитали дедушка и бабушка. По его словам, притяжение леса в родном городке чувствовали многие.

— Мне так казалось, но я никогда не спрашивал- пояснил Самир — Лес привлекал меня, словно тянул к себе, и я не выдержал. Просто все бросил и ночью удрал. Так все и началось. Наш лес возле городка был маленьким. А тот, куда я попал, огромный. И там были странные звери. Большие, с мощными когтистыми лапами и желтыми глазами. Хищники. Было немного жутко, когда один такой подошел ко мне. Не помню, как унес оттуда ноги. Больше всего мне хотелось оказаться от этого леса подальше и я шел и шел, пока лес не кончился. Сначала деревья поредели, а потом и вовсе исчезли, и я вышел на открытую площадку. Сейчас я понимаю что там было красиво, хотя тогда я не обратил на это внимание. Холмы, небольшие рощи, горы вдалеке. Я проспал несколько часов, а потом пошел дальше, сам не зная куда. Думал, если идти достаточно долго, то хоть к какому-то жилью я смогу выйти. А там уже мне объяснят, где я, и как вернуться в родной город. Я еще не понимал тогда, что произошло. Что я уже не смогу просто

вернуться обратно. Я нашел небольшую деревеньку, и именно тогда до меня стало доходить, что я не просто заблудился. Мне указали, как пройти в ближайший город. Ну вот и все. Потом приспособливался как мог. Это странный мир, здесь все отличается от того, к чему мы привыкли. Нет электричества, нет двигателей внутреннего сгорания. Все ездят на лошадях. Первое время очень тяжело приходилось. Место, из которого я пришел здесь называют приграничными лесами. Туда никто не ходит. Оно, ну не то чтобы проклятое, нет. Скорее священное. Отделенное, особое. Я никому не говорил, что пришел оттуда. Хотя люди тут спокойные, не думаю, что меня бы побили камнями или сожгли на костре. Скорее всего посоветовали бы забыть про все и жить как все, не задавая лишних вопросов. Вот чего тут действительно не терпят, так это вопросов.

— Ух ты, столько информации. Не знаю, как это в голове уместить.

Самир глянул на непонятное приспособление на стене.

— Уже скоро утро. Поспи немного, хорошо? — он сгреб в охапку одеяло и подушку и собрался выйти. Мне стало не по себе.

— Подожди! Ты уходишь. А если сюда кто-то заглянет? И спросит кто я такая?

— Да нет тут никого кроме меня — Самир

успокаивающе улыбнулся — В доме мы одни. Только старый Аршас, но он тебя не потревожит. Не волнуйся ни о чем, спи. Я достану тебе что-то из одежды утром. И я рад, что ты здесь.

За Самиром захлопнулась дверь и я откинулась на пуховые подушки. Мне казалось я никогда теперь не смогу уснуть, после всего услышанного. Но провалилась в сон почти сразу же.

* * *

Еще двое пропавших к следующему вечеру накалили без того напряженную до предела обстановку в лагере. Хотя общая ситуация улутшалась. Сеня в первый же день своего выздоровления отправился к реке и наловил там рыбы. Я смог найти несколько ягодных кустов и съедобных корней. В развалинах домов нашли пару уцелевших старых глиняных горшков, и один чан из непонятого сплава. Теперь мы могли кипятить воду и варить мясо. Таня вместе с Сеней ходили в лес и принесли целый пучок трав, как они уверяли полезных.

Ребята которые пропали первыми, пришли в себя, и чувствовали себя хорошо. Вот только они сильно отличались от самих себя до пропажи, словно вернулись из леса другими людьми. В

движениях появилась странная пластичность, они держались уверенно, больше не боялись потеряться в лесу. У них появились знания, которых раньше не было, к примеру где можно найти хворост для костра, или как отличить вредоносное растение. И держались вместе, как склеенные. Конечно, остальные не могли не заметить этих изменений.

Аля только тихо вздохнула, когда я рассказал ей о своих выводах.

— Я вижу подобное не первый раз — ответила она, чуть улыбнувшись.

— И где же ты видела такое раньше?

— Они похожи на тебя.

— Что?

— Попав сюда, ты точно так же изменился. Почему, думаешь, к тебе стали относиться с некоторым подозрением?

— На меня всегда так смотрели.

— Но по другим причинам. А здесь... У тебя изменения не так бросались в глаза, как у них, но они были.

Против воли я ощутил как по позвоночнику пополз холодок. Вспомнил полные ужаса глаза Лени и Макса. Вспомнил, как Аля потеряла сознания посмотрев на меня. Лес меняет нас? Или этот город? Я посмотрел в сторону пролома в стене, а потом потрусил головой. Если со мной и произошли изменения, то все они были на пользу и

помогли выжить.

Я поговорил с каждым из пропавших наедине. Из них было нелегко вытянуть какую-то информацию, они избегали разговоров о случившемся, но к моменту нашей беседы я уже примерно догадывался что могло произойти. Три разных человека и три одинаковых истории. Каждый ощутил непреодолимое притяжение, и повиновался ему. Потом в лесу увидел необыкновенного зверя, встретился с ним взглядом, потом провал в памяти.

Я не стал рассказывать остальным о наших контактах с местной фауной.

Обитатели лагеря были страшно перепуганы. Они видели изменения и не в состоянии были понять их пользу. Я ловил косые взгляды на себе и своих помощниках, все чаще возникали конфликты из-за мелочей. Значительная заслуга в этом принадлежала Саше, который не захотел смириться с моим положением старшего и старался вносить смуту изо всех сил. К нашему сформированному костяку — Андрею, неразлучному с Ежом и Серым, Паше, Сене и Тане (они теперь всегда держались вместе) присоединились Катя, Коля, Геша и Карась, и это были самые непопулярные персоны среди ребят.

Через два дня, когда пропало еще четверо, бывшие школьники решили собрать комитет,

который будет принимать «необходимые решения» вместо меня и Андрея. Я не стал спорить. Те же, кто подвергнулся влиянию лиарнов и леса, присоединялись к нам. Мы старались держаться вместе и не мозолить глаза остальным. Снабжали лагерь продовольствием, но жили отдельно от еще не измененных.

Костер, разведенный в дальнем конце города, подальше от общего на центральной площади, весело потрескивал, а мясо с травами, над которым колдовала Катя пахло аппетитно, но лица сидящих вокруг все равно были мрачными. Аля прижималась ко мне слева, а справа меня буравил глазами Андрей.

— Ну что? — мне надоели его вздохи и пронзительные взгляды.

— Так теперь все и будет?

— Как так?

— Мы теперь типа как изгой? Живем в резервации?

— Я тебя тут не держу. Иди к остальным.

— Да я бы рад. Но знаешь как они теперь меня встретят? Хорошо, если камнями не закидают.

Я пожал плечами.

— Слушай, я думал ты знал, что делал. Какого ты разрешаешь этому стаду баранов делать из нас отверженных?

— Это временно, Андрей.